Тайная жизнь пчел

Автор:
Сью Кидд

Тайная жизнь пчел

Сью Монк Кидд

Книга-взрыв, книга-символ, книга-надежда!

Эффект, который она произвела по выходе, сравним с волной, буквально всколыхнувшей Америку, когда увидела свет знаменитая «Убить пересмешника…» Харпер Ли или «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера.

В жизнь четырнадцатилетней Лили вторгаются пчелы. Это намек на то, что в мире есть место раю и нужно лишь приложить усилие, чтобы отыскать дорогу к нему. И там, в медовых садах Эдема, ты снова обретешь счастье, и мама, пропавшая много лет назад, будет ждать тебя на пороге дома, и вы уже не расстанетесь никогда-никогда.

Сью Монк Кидд

Тайная жизнь пчел

Sue Monk Kidd

THE SECRET LIFE OF BEES

Copyrightc Sue Monk Kidd Ltd., 2002

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Viking, a member of Penguin Group (USA) LLC, a Penguin Random House Company.

© М. Шерман, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКАR

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru (http://www.litres.ru/))

* * *

Глава первая

Королева-матка является объединяющей силой общества; если удалить ее из улья, рабочие особи вскоре почувствуют ее отсутствие. Через несколько часов, или даже раньше, они начнут выказывать явные признаки отсутствия матки.

Человек и насекомые

Ночами я лежала в постели и наблюдала за представлением: пчелы просачивались в мою спальню через щели в стенах и кружили по комнате, издавая звуки, как самолетный пропеллер, – такое всепронизывающее «ж-ж-ж-ж-ж-ж», заставляющее жужжать саму мою кожу. Я смотрела на их крылышки, мерцающие в темноте, подобно кусочкам хрома, и чувствовала, как в груди разрастается тоска. От того, как они летали – даже не в поисках цветка, а просто, чтобы почувствовать ветер, – мое сердце кричало и пело.

В течение дня я слушала, как они роют проходы внутри стен моей комнаты, и представляла, как они превращают стены в соты, а мед просачивается в комнату и мне остается только подставить ему свой рот.

Пчелы появились летом 1964-го – тем самым летом, когда мне исполнилось четырнадцать и моя жизнь закружилась по совершенно новой орбите, именно так: по совершенно новой орбите. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что пчелы были посланы мне свыше. Иными словами, они появились, как архангел Гавриил перед Девой Марией. Я понимаю, сколь самонадеянно сравнивать свою жизнь с жизнью святых, но мне почему-то кажется, что они не стали бы возражать; не стану и я забегать вперед. Достаточно будет сказать, что, несмотря на все, что произошло тем летом, я сохранила к пчелам нежные чувства.

* * *

Первое июля 1964-го: я лежу в постели и жду появления пчел, думая о том, что сказала Розалин, когда я поведала ей об этих ночных визитах.

– Пчелы роятся перед смертью, – сказала она.

Розалин работала у нас с тех пор, как умерла моя мама. Мой папа, которого я называла Т. Рэй, поскольку слово «папа» никак ему не подходило, вытащил ее из персикового сада, где она работала одной из сборщиц. У нее было большое круглое лицо и тело, имеющее форму шатра, и она была такой черной, что ночь, казалось, сочится из всех пор ее кожи. Она жила одна в маленьком домике, запрятанном неподалеку от нас в лесу, и каждый день приходила, чтобы готовить, убирать и быть мне матерью. У Розалин никогда не было своих детей, так что последние десять лет я была ее любимой игрушкой.

«Пчелы роятся перед смертью». Она была переполнена сумасшедшими фантазиями, на которые я не обращала никакого внимания, но я лежала и думала об этом, желая знать, не моя ли смерть у них на уме. По правде сказать, эта мысль не слишком меня тревожила. Каждая из этих пчел могла бы спикировать на меня и жалить, пока я не умру, и это не было бы худшим исходом. Те, кто считает, что смерть – худшее зло, ничего не смыслят в жизни.

Мама умерла, когда мне было четыре года. Это было фактом биографии, но стоило мне об этом заговорить, как люди тут же принимались рассматривать свои ногти и ковырять заусенцы или выискивать что-то на небе, и было похоже, что они меня не слышат. Иногда какая-нибудь добрая душа говорила: «Просто выкинь это из головы, Лили. Это был несчастный случай. Успокойся».

Я лежала в постели и думала о том, как умру и попаду в рай – к моей маме. Я бы ей сказала: «Мама, прости. Пожалуйста, прости» – и она бы целовала мою кожу и говорила, что я не виновата. Она бы говорила мне это первые десять тысяч лет.

Следующие десять тысяч лет она бы меня причесывала. Я знала, что она сможет сделать из моих волос такую красоту, что люди по всему раю побросают арфы, только чтобы восхищаться моей прической. Я очень быстро поняла – чтобы узнать, у кого из девочек нет мамы, достаточно взглянуть на их волосы… Мои волосы вечно торчали как им вздумается, а Т. Рэй, конечно же, отказывался купить мне нормальные бигуди, так что я накручивала их на баночки из-под виноградного сока, а спать с ними было совершенно невозможно. Мне всегда приходилось выбирать между приличной прической и нормальным ночным сном.

Я решила, что пожертвую четыре или пять веков на то, чтобы рассказать ей, какое это несчастье – жить с Т. Рэем. Он был зол круглый год, но особенно летом, когда с утра до вечера работал в своих персиковых садах. Я старалась как можно меньше попадаться ему на глаза. Он был добр только со Снаутом, своей собакой, с которой он охотился на птиц, которая спала в его постели и которой он всякий раз принимался чесать живот, стоило ей только перевернуться на спину. Однажды я видела, как Снаут пописал на ботинки Т. Рэя, и это не вызвало у него ни малейшего возмущения.

Я часто просила Бога, чтобы он сделал что-нибудь с Т. Рэем. Он сорок лет ходил в церковь, но становился только хуже. Казалось, это должно было кое о чем сказать Богу.

Я отбросила одеяло. В комнате было совершенно тихо, нигде ни единой пчелы. Я поминутно глядела на часы, не понимая, куда же эти пчелы могли подеваться.

Наконец где-то около полуночи, когда мои веки почти уже сдались в борьбе со сном, в верхнем углу комнаты возник урчащий звук, низкий и вибрирующий, звук, который можно было принять за мурлыканье кошки. А через мгновение тени на стене задвигались, похожие на брызги краски, ухватывая немного света всякий раз, когда они пролетали мимо окна, – так что я могла разглядеть контуры крыльев. Звук нарастал волнами, пока вся комната не запульсировала в темноте, пока сам воздух не стал живым, насквозь пронизанным пчелами. Они кружились вокруг моего тела, сделав меня эпицентром тучи, несущей торнадо. За всем этим жужжанием я не слышала даже собственных мыслей.

Я вонзила ногти в ладони с такой силой, что почти проткнула кожу. Пчелы могут закусать до полусмерти.

И все же зрелище было величественным. Вдруг я поняла, что не могу противиться побуждению показать это хоть кому-нибудь, даже если единственным человеком поблизости был Т. Рэй. И если его случайно укусит пара сотен пчел, что ж, тогда – прости, папочка.

Я выскочила из-под одеяла и бросилась к двери, проломившись сквозь гущу пчел. Я будила его, дотрагиваясь пальцем до руки, сперва тихонько, потом все сильнее, пока, наконец, я уже не тыкала в его руку со всей силы, изумляясь тому, до чего она твердая.

Т. Рэй в одних трусах вскочил с кровати. Я тащила его к своей комнате, а он кричал, что будет лучше, если это окажется правдой, что лучше бы этот проклятый дом сгорел, а Снаут лаял, как на голубиной охоте.

– Пчелы! – кричала я. – У меня в комнате рой пчел!

Но когда мы зашли в комнату, они уже исчезли в стене, как если бы знали, что он сейчас зайдет, и не хотели демонстрировать ему свой высший пилотаж.

– Черт подери, Лили, это не смешно.

Я осматривала стены сверху донизу. Я заглядывала под кровать, умоляя пыль и спирали кроватных пружин породить хотя бы одну пчелу.

– Они здесь были, – сказала я. – Летали повсюду.

– Ага – и еще стадо долбаных быков.

– Послушай, – сказала я. – Слышно, как они жужжат.

Он с притворно-серьезным видом приблизил ухо к стене.

– Я не слышу никакого жужжания, – сказал он и покрутил пальцем у виска. – Полагаю, они вылетели из этих сломанных часов с кукушкой, которые ты называешь своим мозгом. Еще раз меня разбудишь, Лили, и я достаю «Марту Уайтс»[1 - «Марта Уайтс» – фирменное название круп. (Здесь и далее прим. перев.)], ты поняла?

«Марта Уайтс» была формой наказания, до которого мог додуматься только Т. Рэй. Я тут же замолкла.

И все же я не могла это так оставить – чтобы Т. Рэй думал, что я дошла до того, что выдумала вторжение пчел с целью привлечь к себе внимание. У меня возникла великолепная идея – наловить полную банку этих пчел, предъявить их Т. Рэю и сказать: «Ну и кто же тут выдумывает?»

* * *

Моим первым и единственным воспоминанием о матери был день ее смерти. Я долгое время пыталась вызвать в воображении ее образ до этого дня – хотя бы кусочек чего-нибудь, вроде того, как она подтыкает мое одеяло, читает мне про приключения Дядюшки Уиггли или холодным утром развешивает мое белье возле камина. Я была бы рада даже вспомнить, как она отламывает прутик и стегает меня по голым ногам.

Она умерла третьего декабря 1954-го. Печка так нагрела воздух, что мама стянула с себя свитер и стояла в одной майке, дергая заклинившее окно своей спальни.

Наконец она сдалась, проговорив:

– Ладно, отлично, тогда мы просто угорим здесь ко всем чертям.

У нее были густые черные волосы, которые вились вокруг ее лица – лица, которое я никак не могу вызвать в памяти, несмотря на отчетливость всего остального.

Я протянула к ней руки, и она подняла меня, сказав, что я немного великовата, чтобы так меня держать, но все равно продолжала держать меня на руках. Как только я оказалась у нее на руках, меня окутал ее запах.

Этот аромат остался со мной навсегда, и я могу представить его так же отчетливо, как запах корицы. Я регулярно ходила в Силван в магазин и обнюхивала каждый флакончик с духами, пытаясь найти нужный. Всякий раз, когда я там появлялась, продавщица духов изображала удивление, говоря: «Боже мой, посмотрите, кто к нам пришел». Как если бы я не была там неделю назад и не прошлась тогда по всему ряду бутылочек. «Галимар», «Шанель № 5», «Уайт шолдерз».

И я говорила:

– Получили что-нибудь новенькое?

Она ни разу не ответила «да».

Так что я была потрясена, когда почувствовала этот запах от своей учительницы в пятом классе, которая сказала, что это был попросту кольдкрем «Пондз».

В тот день, когда умерла моя мама, на полу лежал распахнутый чемодан – прямо возле окна, которое так и не удалось открыть. Она ходила в чулан и обратно, то и дело кидая что-нибудь в чемодан, не утруждая себя складыванием.

Я пошла за ней в чулан и пролезла под полами платьев и брючными штанинами вглубь, где скопились хлопья пыли, мертвые мотыльки и куски грязи из нашего сада, где стоял плесневый запах персиков, налипших на ботинки Т. Рэя. Я засунула руки в пару белых туфель на высоких каблуках и пошлепала ими друг о

друга.

Пол в чулане вибрировал всякий раз, когда кто-нибудь взбирался по лестнице, так что я знала, что сейчас Т. Рэй будет здесь. Я слышала, как над моей головой мама сдергивала с вешалок все подряд, слышала шелест одежды и позвякивание проволочных плечиков друг о друга. «Быстрее», – сказала она.

Когда его ботинки протопали в комнату, она выдохнула, и воздух вышел из груди, как будто ее легкие внезапно и сильно сжались. Это последнее, что я четко помню, – ее дыхание, спускающееся ко мне, как крошечный парашют, и исчезающее без следа среди груды обуви.

Я не помню, что? они говорили, помню только злость в их словах и воздух, который, казалось, был весь в рубцах и кровоточил. Также это напоминало птиц, пойманных в закрытой комнате, бьющихся о стены и стекла, друг о друга. Я попятилась, оказавшись еще глубже внутри чулана и чувствуя свои пальцы во рту, вкус туфель, вкус ног.

Когда меня стали вытаскивать, я сначала не поняла, кто меня тянет, пока не оказалась на руках у мамы и не вдохнула ее запах. Она пригладила мне волосы, сказала: «Не бойся», но тут Т. Рэй меня забрал. Он отнес меня к двери и опустил на пол в коридоре.

– Иди в свою комнату, – сказал он.

– Не хочу. – Я плакала, пытаясь протиснуться мимо него, назад в комнату, назад к ней.

– Убирайся к черту в свою комнату! – заорал он и сильно меня пихнул. Я стукнулась о стену, затем упала на четвереньки. Подняв голову, из-за спины Т. Рэя я увидела, как она бежит к нему через комнату. Она выкрикивала: «Оставь. Ее. В покое».

Я сжалась на полу у двери и наблюдала сквозь завесу воздуха, который, казалось, был весь исцарапан. Я видела, как он схватил ее за плечи и начал трясти, а ее голова моталась взад-вперед. Я видела, как побелели его губы.

И тогда – хотя я и вижу это сейчас словно в тумане – она вырвалась от него и побежала в чулан, подальше от его цепких рук, и стала нашаривать что-то на одной из верхних полок.

Увидев пистолет у нее в руке, я побежала к ней, неуклюже и чуть не падая, желая ее спасти, спасти нас всех.

Затем время распадается на куски. То, что я помню, находится в моей голове в виде четких, но совершенно разрозненных картинок. Пистолет, блестевший в ее руке, как игрушка; он вырывает пистолет и размахивает им; пистолет на полу; я нагибаюсь, чтобы его поднять; звук выстрела, похожий на взрыв.

Вот то, что я знаю о себе. Она была всем, что мне было нужно. И она навсегда осталась со мной.

* * *

Мы с Т. Рэем жили рядом с городком Силван, Южная Каролина, с населением 3100 человек. Палатки с персиками да баптистские церкви – вот все, что там было.

У въезда на нашу ферму стояла большая деревянная вывеска со словами «ПЕРСИКОВАЯ КОМПАНИЯ ОУЭНСА», намалеванными самой отвратительной оранжевой краской, какую вы когда-либо видели. Я ненавидела эту вывеску. Но вывеска была мелочью по сравнению с гигантским персиком, насаженным на верхушку двадцатиметрового шеста рядом с воротами. Все в школе называли его Великой Задницей (и это вежливый вариант их слов). Телесный цвет, не говоря уже о вертикальной складке посередине, придавали ему безошибочное сходство с задней частью человека. Розалин говорила, что это способ Т. Рэя показать задницу всему миру. Таков был Т. Рэй.

Он не верил ни в мои ночевки у подружек, ни в танцевальные вечеринки, что не было особой проблемой, поскольку меня на них все равно не приглашали, но он отказывался подвозить меня в город на футбольные матчи, на собрания энтузиастов и на субботние благотворительные мойки машин в «Бета-клубе». Его не волновало, что я ношу одежду, которую шила сама в варианте экономкласса: ситцевые английские блузки с перекошенными молниями и юбки,

свисающие ниже колен, – разве что девушки из церкви Святой Троицы стали бы ходить в подобных нарядах. С таким же успехом я могла написать у себя на спине: «Я НИКОМУ НЕ ИНТЕРЕСНА И НИКОГДА НЕ БУДУ ИНТЕРЕСНА». Мне необходима была максимальная помощь, какую только может дать мода, ведь никто, ни единый человек, ни разу не сказал: «Лили, ты такой милый ребенок». Никто, кроме мисс Дженнингс из церкви, а ведь она была совершенно слепа.

Я разглядывала свое отражение не только в зеркале, но и в витринах и в телевизоре, когда он был выключен, пытаясь работать над своим взглядом. Мои волосы были черные, как у матери, и состояли из непослушных вихров. Еще меня беспокоил мой маленький подбородок. Я надеялась, что он начнет расти одновременно с грудью, но ожидания не оправдались. У меня, однако же, были красивые глаза, как у Софи Лорен, но все равно даже мальчики, делавшие из напомаженных волос хвостик и носившие в кармане рубашки расческу, не слишком мной интересовались.

То, что должно быть пониже шеи, у меня вполне оформилось, хотя и не было ни малейшей возможности выставить это на обозрение. Тогда было в моде носить кашемировые костюмы-двойки и шотландские юбки выше колен, но Т. Рэй сказал, что раньше ад превратится в ледовый каток, чем я пойду куда-нибудь в таком наряде – или я хочу забеременеть, как Битси Джонсон, чья юбка едва прикрывает задницу? Одному Богу известно, откуда он узнал про Битси, но что касается ее юбок и ее ребенка, то это было правдой. Просто неудачное стечение обстоятельств.

Розалин знала о моде меньше, чем Т. Рэй, так что, когда было холодно, помилуй-нас-Боже-Иисусе, она отправляла меня в школу в бриджах, надетых под платье в стиле Святой Троицы.

Больше всего я ненавидела, когда кучки шепчущихся девчонок замолкали при моем приближении. Я отковыривала струпья со своего тела, а когда они заканчивались, грызла заусенцы, пока не начинала течь кровь. Я так много переживала о своей внешности и о том, все ли я правильно делаю, что казалось, половину времени я лишь играю какую-то роль, вместо того чтобы быть настоящей девочкой.

Я думала, что у меня появился реальный шанс, когда я записалась в школу очарования в Женском клубе прошлой весной – по вечерам в пятницу в течение шести недель, – но меня не взяли, поскольку у меня не было мамы, или бабушки,

или хотя бы какой-нибудь вшивой тетки, чтобы вручить мне на выпускной церемонии белую розу. Розалин не могла этого сделать, так как это было против правил. Я плакала, пока меня не стошнило в раковину.

– Ты и так очаровательна, – говорила Розалин, отмывая раковину. – Тебе не нужны эти школы для выскочек, чтобы быть очаровательной.

– Нет, нужны, – всхлипывала я. – Они там учат всему на свете. Как ходить и поворачиваться, что делать с ногами, когда ты сидишь на стуле, как садиться в машину, разливать чай, снимать перчатки…

Розалин издала пыхтящий звук, выпустив воздух через сжатые губы.

– Господи помилуй, – сказала она.

– Ставить цветы в вазу, говорить с мальчиками, выщипывать брови, брить ноги, красить губы…

– А как насчет блевания в раковину? Они учат, как делать это очаровательно? – спросила она.

Иногда я ее просто ненавидела.

* * *

Наутро после того, как я разбудила Т. Рэя, Розалин стояла в дверях моей комнаты и смотрела, как я гоняюсь за пчелой с банкой в руках. Ее губа отвисала так, что мне был виден маленький розовый восход солнца у нее во рту.

– Чего это ты делаешь с этой банкой? – спросила она.

– Ловлю пчел, чтобы показать Т. Рэю. Он считает, что я их выдумала.

– Господь, дай мне силы.

Она чистила бобы на крыльце, и бисеринки пота сверкали у нее в волосах. Она потянула платье вперед, открывая воздуху доступ к ее груди, большой и мягкой, как диванные подушки.

Пчела села на карту штата, прикнопленную к стене. Я смотрела, как она ползет вдоль побережья Южной Каролины по живописному семнадцатому шоссе. Я накрыла пчелу банкой, поймав ее где-то между Чарлстоном и Джорджтауном. Когда я подсунула крышку, пчела запаниковала и принялась яростно колотиться о стенки, напоминая град, стучащий в окно.

Я насыпала в банку бархатистых лепестков, богатых пыльцой, и проделала гвоздем множество дырок в крышке, чтобы пчелы не погибли, ведь, как я знала, человек может в один прекрасный день превратиться в того, кого он убил.

Я подняла банку к лицу.

– Иди посмотри, как она бьется, – позвала я Розалин.

Когда она ступила в комнату, ее запах поплыл ко мне, темный и пряный, как табак, который она держала за щекой. У нее в руке была кубышка с горлышком размером с монетку и ручкой, чтобы продевать в нее палец. Я смотрела, как она прижимает кубышку к подбородку, вытягивает губы цветочком и сплевывает внутрь струйку черного сока.

Она поглядела на пчелу и покачала головой.

– Если она тебя ужалит, не приходи ко мне жаловаться, – сказала она, – потому что мне все равно.

Это было неправдой.

Я была единственной, кто знал, что, несмотря на грубоватость, сердце ее было нежней цветочной кожицы и она безумно меня любила.

Я узнала об этом в восемь лет, когда она купила мне цыпленка, выкрашенного для Пасхи. Я увидела его, дрожащего в углу в своем загончике: он был цвета красного винограда и печальными глазками высматривал свою маму. Розалин

позволила мне принести его домой, прямо в гостиную, где я рассыпала по полу коробку овсяных хлопьев, чтобы он их клевал, и Розалин даже ни словом меня не попрекнула.

Цыпленок оставлял по всей комнате кусочки помета с фиолетовыми прожилками, – видимо, потому, что краска просочилась в его хрупкий организм. Мы только начали уборку, как в комнату ворвался Т. Рэй, угрожая сварить цыпленка на обед и уволить Розалин за то, что она идиотка. Он кинулся ловить цыпленка, пытаясь схватить его своими черными после возни с трактором руками, но Розалин встала у него на дороге.

– В этом доме есть вещи похужей цыплячьего дерьма, – сказала она, смерив его с головы до ног взглядом. – Ты не тронешь эту крошку.

Когда он уходил по коридору, в звуке его шагов мне слышалось поражение.

«Она меня любит», – думала я, и тогда эта мысль возникла у меня впервые.

Ее возраст был тайной, поскольку у нее не было свидетельства о рождении. Иногда она говорила, что родилась в 1909-м, а иногда – что в 1919-м, в зависимости от того, насколько старой она чувствовала себя в этот день. Но она точно знала место: Макклеланвиль, Южная Каролина, где ее мама плела корзинки из соломы, которые затем продавала, стоя у дороги.

– Как я – персики, – говорила я ей.

– Ничего общего с твоими персиками, – отвечала она. – У тебя нет семерых детей, которые с этого кормятся.

– У тебя шесть братьев и сестер? – Я всегда думала о ней как о человеке, у которого, кроме меня, нет никого на свете.

– Были, но я не знаю, где сейчас хотя бы один из них.

Она бросила своего мужа через три года после свадьбы, за пьянство.

– Дай его мозги птице, и птица полетит задом наперед, – говаривала она.

Я часто задумывалась, что бы эта птица стала делать, будь у нее мозги Розалин. Я решила, что половину времени она будет гадить всем на голову, а другую половину – сидеть на брошенных гнездах, растопырив крылья.

В моих мечтах она была белой, выходила замуж за Т. Рэя и становилась мне настоящей матерью. А иногда я была сиротой-негритянкой, которую она находила на кукурузном поле и удочеряла. Изредка я видела нас живущими в другой стране, вроде Нью-Йорка, где она могла бы меня удочерить, и никто бы не удивлялся тому, что у нас разный цвет кожи.

* * *

Мою маму звали Дебора. Это имя казалось мне самым красивым на свете, хотя Т. Рэй и отказывался его произносить. Если же я его произносила, он вел себя так, будто сейчас пойдет на улицу и там кого-нибудь зарежет. Однажды я спросила его, когда у нее день рождения и какую начинку она любила в пироге, но он сказал, чтобы я заткнулась, а когда я спросила снова, он взял банку черничного желе и швырнул ее в кухонный сервант. На нем до сих пор остались синие пятна.

Однако мне удалось выжать из него кое-какие обрывки информации, например, что мама похоронена в Виргинии, там, откуда она родом. Я спросила его, а были у нее братья, сестры? Нет, сказал он, мама была у нее единственным ребенком. Однажды, раздавив на кухне таракана, он сказал, что мама проводила массу времени, пытаясь выманить тараканов из дома с помощью кусочков пастилы и дорожек из крошек от крекеров, что она была просто психом, когда дело касалось сохранения жизни насекомых.

Самые неожиданные вещи могли заставить меня по ней скучать. Например, спортивный топик. С кем я могла этим поделиться? И кто, кроме мамы, смог бы понять, как важно было возить меня на репетиции группы поддержки? Я могу точно сказать, что Т. Рэю такое и в голову не приходило. Но знаете, когда я по ней больше всего скучала? В день, когда, в возрасте двенадцати лет, проснулась с пятном, похожим на лепесток розы, на моих трусиках. Я была так горда этим цветком, но у меня не хватило духу показать его кому-нибудь, кроме Розалин.

Вскоре после этого я обнаружила на чердаке бумажный пакет, запечатанный степлером. Внутри я нашла последние следы моей мамы.

Там была фотография притворно улыбающейся женщины в светлом платье с плечиками, стоящей возле старой машины. Выражение ее лица говорило: «Не смей меня снимать», но она хотела, чтобы ее снимали, это было видно. Вы бы никогда не поверили тем историям, которые я выдумывала, глядя на фотографию: как она, стоя у автомобильного бампера, нетерпеливо дожидалась своей любви.

Я клала эту фотографию рядом со своей и выискивала черты сходства. У нее тоже немного недоставало подбородка, но, несмотря на это, ее внешность можно было оценить выше среднего, так что это давало мне надежду.

В пакете была еще пара белых хлопковых перчаток, потемневших от времени. Вынув их, я подумала: «Ее руки были здесь внутри». Мне неловко об этом вспоминать, но однажды я набила эти перчатки ватой и всю ночь продержала их в руках.

Но главной загадкой этого пакета была маленькая картинка с Марией, матерью Иисуса. Я узнала ее, несмотря даже на то, что у нее была черная кожа, чуть светлее, чем у Розалин. Было похоже, что кто-то вырезал изображение черной Марии из книги, наклеил его на отшлифованный кусочек дерева, сантиметров пять в поперечнике, и покрыл его лаком. На оборотной стороне неизвестной рукой было написано: «Тибурон, Ю. К.».

Два года я хранила эти вещи в жестяной коробке, которую закопала в саду. У меня там было особое место среди деревьев, о котором не знал никто, даже Розалин. Я стала ходить туда еще до того, как научилась завязывать шнурки. Сперва это было просто местом, где я могла спрятаться от Т. Рэя и его скотства или от воспоминаний о том дне, когда выстрелил пистолет, но позже я стала убегать туда, иногда после того, как Т. Рэй ложился спать, просто чтобы спокойно полежать под деревьями.

Я положила ее вещи в жестяную коробку и закопала там в одну из ночей, поскольку страшно боялась оставлять их у себя в комнате, даже в глубине ящика своего стола. Потому что Т. Рэй мог пойти на чердак и обнаружить пропажу, и тогда он перевернул бы вверх дном мою комнату, чтобы найти эти вещи. Мне становилось дурно, когда я думала о том, что он со мной сделает, если это произойдет.

Время от времени я ходила в сад и выкапывала коробку. Я лежала на земле, надев мамины перчатки, и улыбалась ее фотографии, а деревья стояли вокруг, склонившись надо мной. Я рассматривала надпись «Тибурон, Ю. К.» на оборотной стороне картинки с черной Марией, рассматривала эти буквы, написанные с нелепым наклоном, и думала о том, какое оно, это место. Однажды я нашла его на карте, и оно оказалось не более чем в двух часах езды от нас. Может, мама была там и купила эту картинку? Я пообещала себе, что однажды, когда стану уже достаточно взрослой, сяду в автобус и съезжу туда. Я хотела побывать во всех местах, где ей доводилось когда-нибудь побывать.

* * *

В то утро, после ловли пчел, я отправилась в нашу палатку у дороги продавать персики Т. Рэя, где и провела остаток дня. Это было самой унылой работой, какую только можно придумать для девочки – часами торчать у дороги в палатке с тремя стенами и плоской жестяной крышей.

Я сидела на деревянном ящике из-под кока-колы и глядела на проносящиеся мимо пикапы, пока от выхлопных газов и скуки у меня не закружилась голова. Обычно по четвергам я продавала много персиков, поскольку женщины уже начинали готовиться к воскресным посиделкам, но в тот день все проезжали мимо.

Т. Рэй не позволял мне брать с собой книги. Если я все-таки приносила что-нибудь, вроде «Потерянного горизонта», спрятав его под рубашкой, тогда кто-то из доброхотов, вроде миссис Уотсон с соседней фермы, встретив отца в церкви, обязательно говорил: «Видела, как твоя дочка увлеченно читает в своей палатке. Ты можешь ею гордиться». Всякий раз после этого я чудом оставалась жива.

Что это за человек, который ненавидит чтение? Думаю, он считал, что это может зародить во мне мысли о колледже, каковой, с его точки зрения, был пустой тратой времени, особенно для девочек, даже если они, вроде меня, показывали наивысший результат при «тестировании словесных способностей». Мои математические способности не были столь ярко выражены, но нельзя же быть совершенной во всем.

Я была единственной из учеников, кто не роптал, когда миссис Генри выбрала на уроке очередную пьесу Шекспира. На самом деле, в угоду классу, я притворилась, что недовольна, хотя, если честно, я была очень рада.

Пока не появилась миссис Генри, я считала, что вершиной моей карьеры будет школа красоты. Однажды, рассмотрев ее лицо, я сказала, что французский изгиб бровей мог бы сделать с ней чудеса, а она ответила (цитирую): «Пожалуйста, Лили, ты оскорбляешь свой редкостный интеллект. Ты хотя бы представляешь, насколько ты умна? Ты могла бы стать профессором или писателем. Школа красоты… Ну ты и скажешь!»

Прошло больше месяца, прежде чем мне удалось справиться с потрясением от того, что у меня есть жизненные перспективы. Вы знаете, как любят взрослые спрашивать: «Ну, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» Невозможно передать, как я прежде ненавидела этот вопрос, но тут я вдруг начала говорить людям, даже тем, кто вовсе и не хотел этого знать, что я планирую стать профессором или писателем.

Я собирала коллекцию собственных произведений. А после того, как в школе мы прошли Ральфа Уолдо Эмерсона, я приступила к «Моей жизненной философии», которая должна была стать капитальным трудом, но мне удалось написать лишь три страницы. Миссис Генри сказала, что мне нужно перерасти свои четырнадцать лет, прежде чем у меня появится эта самая философия.

Она сказала, что образование – моя единственная надежда на будущее, и одолжила мне на лето свои книги. Стоило мне открыть одну из них, Т. Рэй говорил: «Кого ты из себя строишь, Юлия Шекспира?» Он и вправду считал, что так звали Шекспира, и если вы думаете, что я его поправляла, значит вы ничего не смыслите в искусстве выживания.

Если я сидела в своей фруктовой палатке без книжки, то часто убивала время, сочиняя стихи. Но в тот ленивый день у меня не хватало терпения, чтобы подыскивать рифмы. Я просто сидела и думала, как я ненавижу эту палатку с персиками, как же я ее ненавижу.

* * *

Накануне того дня, когда я пошла в первый класс, Т. Рэй застал меня в палатке, ковыряющей гвоздем один из его персиков.

Он подошел, щурясь от солнца и засунув большие пальцы в карманы брюк. Я наблюдала за его тенью, скользящей по пыли и сорнякам, и думала, что сейчас он накажет меня за испорченный персик. Я сама не понимала, почему это делала.

Но вместо этого он сказал:

– Лили, завтра ты идешь в школу, так что пришло время, чтобы ты кое-что узнала. О своей матери.

На секунду все стихло, как будто бы ветер исчез, а птицы перестали летать. Когда он присел передо мной на корточки, мне показалось, что я попала в капкан.

– Пришло время узнать, что с ней случилось, и я хочу, чтобы ты узнала об этом от меня, а не от чужих людей, которым лишь бы сплетничать.

Мы никогда об этом не говорили, и я почувствовала, как по спине пробежал озноб. Воспоминания о том дне всегда посещали меня внезапно. Заклинившее окно. Ее запах. Позвякивание вешалок. Чемодан. Крики и ругань. Но больше всего – пистолет на полу, тяжесть в руках, когда я его подняла.

Я знала, что взрыв, который я слышала в тот день, убил ее. Этот звук порой возникал в моей голове и всякий раз удивлял. Иногда казалось, что, пока я держала пистолет в руках, не было вообще никакого звука, что звук возник позже, а иногда, когда я в одиночестве сидела на крыльце, скучая и не зная чем заняться, или торчала в своей комнате в дождливые дни, чувствовала, что именно я являлась его причиной, что, когда я подняла пистолет и звук разодрал комнату, моя жизнь опрокинулась.

Это было тем знанием, которое, выйдя на поверхность, полностью завладевало мной, и я вскакивала и – даже если снаружи шел дождь – бежала вниз с горы к моему месту в персиковом саду. Там я ложилась на землю и постепенно успокаивалась.

Т. Рэй сгреб в ладонь горстку пыли и дал ей просочиться сквозь пальцы.

– В день, когда она умерла, она чистила чулан, – сказал он.

Я не могла не заметить странные интонации в его голосе, неестественные интонации – вроде бы обычный голос, но не совсем – такой добренький голос.

«Чистила чулан». Я никогда не думала о том, что она делала в эти последние минуты своей жизни, зачем она бегала в чулан, почему они ругались.

– Я помню, – сказала я.

Мой голос казался мне тихим и очень далеким, как если бы он доносился из-под земли.

Он поднял брови и приблизил ко мне свое лицо. Лишь глаза выдавали его смущение.

– Ты… что?

– Я помню, – повторила я. – Вы друг на друга кричали.

Его лицо напряглось.

– Правда? – произнес он.

Его губы начали бледнеть, а это всегда служило мне сигналом. Я отступила на шаг.

– Черт подери, тебе было лишь четыре года! – заорал он. – Ты сама не знаешь, что ты помнишь.

В наступившей тишине я думала о том, что надо ему соврать, сказать: «Я ошиблась. Я ничего не помню. Расскажи мне, что случилось», но желание поговорить об этом было так сильно и сдерживалось так долго, что теперь оно требовала слов.

Я смотрела вниз на свои ботинки и на гвоздь, который я уронила, увидев, как приближается Т. Рэй.

– Там был пистолет.

– Боже, – сказал он.

Он долго смотрел на меня, а затем отошел к огромным корзинам, сложенным за палаткой. С минуту он стоял там со сжатыми кулаками, а затем вернулся ко мне.

– Что еще? – спросил он. – Отвечай: что еще ты помнишь?

– Пистолет был на полу…

– И ты его подняла, – сказал он. – Полагаю, это ты помнишь.

Эхо взрыва зазвучало в моей голове. Я смотрела в сторону сада, желая сорваться с места и убежать.

– Помню, что подняла, – сказала я. – Но это все.

Он наклонился, взял меня за плечи и слегка потряс.

– Ты больше ничего не помнишь? Ты уверена? Подумай еще.

Я думала так долго, что он дернул головой и с подозрением на меня посмотрел.

– Нет, сэр, это все.

– Тогда послушай, – сказал он, сжав пальцами мои руки. – Мы спорили, как ты и сказала. Мы тебя сперва не заметили. Затем мы повернулись, и ты стояла там с пистолетом в руке. Ты подняла его с пола. А затем он просто выстрелил.

Он отпустил меня и засунул руки в карманы. Я слышала, как в карманах позвякивают ключи и монетки. Я так хотела схватиться за его ногу, хотела, чтобы он поднял меня и прижал к груди, но я не двигалась, и он тоже не

двигался. Он глядел куда-то поверх моей головы. Он очень внимательно туда глядел.

– Полиция задавала массу вопросов, но это был просто кошмарный несчастный случай. Ты не хотела этого делать, – сказал он мягко. – Но если кто-нибудь захочет знать – все было так, как я тебе только что сказал.

Затем он направился к дому. Он отошел совсем немного и оглянулся.

– И не ковыряй больше своим гвоздем мои персики.

* * *

Где-то после шести вечера я вернулась домой, так ничего и не продав, ни единого персика, и обнаружила Розалин в гостиной. Обычно к этому времени она уже уходила домой, но сейчас она сражалась с антенной на телевизоре, пытаясь избавиться от «снега» на экране. Президент Джонсон то появлялся, то бледнел и исчезал в снежной пурге. Я никогда не замечала, чтобы Розалин так интересовалась телешоу, чтобы тратить из-за этого столько энергии.

– Что случилось? – спросила я. – Они сбросили атомную бомбу?

С тех пор как у нас в школе начались противоядерные учения, я не могла не думать о том, что мои дни сочтены. Все строили у себя во дворах бомбоубежища, запасали воду, готовились к концу света. Тринадцать учеников из моего класса сделали модели бомбоубежищ в качестве своих научных проектов, что говорило о том, что не я одна об этом беспокоюсь. Мистер Хрущев и его ракеты были нашей навязчивой идеей.

– Нет, бомбу никто не взрывал, – сказала она. – Лучше подойди сюда и посмотри, нельзя ли настроить телевизор. – Ее кулаки так глубоко погрузились в бедра, что их почти не было видно.

Я обернула антенну оловянной фольгой. Изображение прояснилось настолько, что стало видно президента Джонсона, сидящего за столом, и людей, стоящих вокруг. Я не слишком любила нашего президента за то, как он держал за уши своих гончих. Но я обожала его жену, Леди Птицу, которая всегда выглядела

так, словно не хочет ничего другого – только отрастить крылья и улететь.

Розалин придвинула скамеечку для ног к телевизору и уселась на нее, так что скамеечка полностью под ней исчезла. Она сидела, наклонившись к телевизору, и теребила край своей юбки.

– Что происходит? – спросила я, но она была так поглощена зрелищем, что даже не ответила. На экране президент чернильным пером писал свое имя на какой-то бумажке.

– Розалин…

– Ш-ш-ш, – сказала она, махая на меня рукой.

Пришлось узнавать новости от диктора. «Сегодня, второго июля, – сказал он, – президент Соединенных Штатов в Восточной комнате Белого дома подписал Акт о гражданских правах…»

Я взглянула на Розалин, которая сидела, тряся головой и бормоча: «Бог милосерден» – при этом она выглядела такой недоверчивой и счастливой, как люди по телевизору, когда они правильно отвечают на вопрос, сто?ящий миллион долларов.

Я не знала, радоваться за нее или волноваться. Выходя из церкви, люди говорили исключительно о неграх и об их гражданских правах. Кто выиграет: команда белых или команда цветных? Как будто это был вопрос жизни и смерти. Когда этот священник из Алабамы, преподобный Мартин Лютер Кинг, был арестован в прошлом месяце во Флориде за то, что хотел поесть в ресторане, люди в церкви вели себя так, словно команда белых выиграла звание чемпиона. Я понимала, что, узнав сегодняшние новости, они не станут сидеть сложа руки – ни за что на свете.

– Аллилуйя, Иисус, – говорила Розалин, сидя на своей скамеечке. Блаженная наивность.

* * *

Розалин оставила обед на плите – ее знаменитый тушеный цыпленок. Накладывая тарелку Т. Рэю, я размышляла о том, как заговорить с ним на деликатную тему моего дня рождения. Он всегда игнорировал мой день рождения, но каждый раз я, как дура, надеялась, что в этом году все будет иначе.

Мой день рождения совпадал с днем рождения нашей страны, отчего помнить о нем становилось еще труднее. Когда я была маленькой, то думала, что люди запускают ракеты и фейерверки из-за меня – ура, Лили родилась! Но затем иллюзии рассеялись, как это обычно и происходит.

Я хотела рассказать Т. Рэю, что все девочки любят серебряные браслеты, что на самом деле в этом году я была единственной девочкой в Силванской средней школе, у которой не было такого браслета, и что главной фишкой обеденного перерыва было стоять в очереди за обедом, позвякивая запястьем и демонстрируя всем коллекцию своих амулетов.

– Итак, – сказала я, ставя перед ним тарелку, – в субботу у меня день рождения.

Я смотрела, как он вилкой отковыривает мясо от косточки.

– Я просто подумала, что хорошо было бы иметь один из тех серебряных браслетов, что продаются в торговом центре в городе.

Дом скрипнул, как это часто с ним бывало. За дверью негромко гавкнул Снаут, а затем стало так тихо, что я могла слышать, как во рту у Т. Рэя перемалывается еда.

Он доел грудку и принялся за бедро, время от времени сурово поглядывая на меня.

Я было начала говорить: «Так как насчет браслета?» – но тут до меня дошло, что он уже ответил, и тогда какая-то грусть поднялась во мне. Она была нежной и прохладной и на самом деле не имела ничего общего с браслетом. Теперь я думаю, что это была грусть, вызванная скрежетом вилки о тарелку, звуком, заполняющим все пространство между нами – пространство, в котором больше не оставалось места для нас самих.

* * *

В ту ночь я лежала в постели, слушая пощелкивание и жужжание в банке с пчелами, ожидая, пока не станет достаточно поздно, чтобы можно было прокрасться в сад и выкопать коробку с вещами моей мамы. Я хотела лежать в саду, лежать и чтобы эти вещи меня убаюкивали.

Когда темнота вытянула луну на середину неба, я вылезла из постели, надела шорты и блузку без рукавов и тихонько заскользила мимо комнаты Т. Рэя, двигаясь как на коньках. Я не видела его ботинок, которые он поставил прямо посередине коридора. Когда я упала, дом сотряс такой грохот, что храп Т. Рэя изменил свой ритм. Сперва храп совсем прекратился, но затем возник вновь, предваренный тройным похрюкиванием.

Я прокралась вниз по ступенькам и вышла через кухню. Когда ночь ударила в мое лицо, мне захотелось смеяться. Луна была идеально круглой и такой яркой, что все вокруг приобрело янтарный оттенок. Пели цикады, и я бежала босиком по траве.

Чтобы попасть на мое тайное место, нужно дойти до восьмого ряда (от сарая с трактором), свернуть налево и считать деревья, пока не дойдешь до тридцать второго. Коробка была зарыта в мягкой земле под деревом, не очень глубоко, и я могла выкопать ее голыми руками.

Когда я смахнула землю с крышки и открыла ее, то сперва увидела белизну ее перчаток, затем фотографию, завернутую в вощеную бумагу, и, наконец, наклеенную на дерево смешную темноликую Марию. Я вытащила все из коробки и, вытянувшись среди опавших персиков, положила вещи себе на живот.

Когда я посмотрела наверх через паутину веток, ночь придавила меня всей своей тяжестью, и на какое-то мгновение я растворилась в окружающем. Я увидела молнию, но не зигзаг, а мягкие золотистые вспышки на небе. Я расстегнула пуговицы рубашки и распахнула ее, чтобы ночь обласкала мою кожу, да так и заснула, лежа с вещами моей матери на животе, а влажный воздух оседал на моей груди и небо трепетало зарницами.

Я проснулась от того, что кто-то ломился через деревья. «Т. Рэй!» Я села, в панике пытаясь застегнуть рубашку. Я слышала его шаги, быстрое, тяжелое дыхание. Посмотрев вниз, я увидела перчатки моей мамы и две картинки. Я оставила пуговицы и схватила мамины вещи, теребя их в руках, не в состоянии придумать, что мне делать, куда их спрятать. Коробка валялась в своей ямке, слишком далеко, чтобы можно было достать.

– Лили-и-и! – кричал он, и я видела, как стремительно приближается его тень.

Я запихала перчатки с картинками под пояс своих шорт, а затем дрожащими пальцами схватилась за оставшиеся пуговицы.

Прежде чем я успела их застегнуть, на меня упал луч света – и вот Т. Рэй уже стоял надо мной, без рубашки, с фонарем в руке. Луч шарил по мне, ослепляя, когда пробегал по лицу.

– С кем ты здесь была? – заорал он, направляя свет на мою полузастегнутую рубашку.

– Н-ни с кем, – сказала я, подобрав ноги и обхватив колени руками, в ужасе от того, что он подумал. Я не могла долго смотреть ему в лицо – оно было таким большим и ослепительным, как лицо Бога.

Он направил луч в темноту.

– Кто здесь?

– Т. Рэй, пожалуйста, здесь, кроме меня, никого не было.

– Поднимайся! – рявкнул он.

Я пошла за ним к дому. Его ноги так ударяли в землю, что мне стало ее жаль. Мы молчали, пока не пришли на кухню и он не достал из буфета крупу «Марта Уайтс».

– Этого можно ожидать от парней, Лили, – их трудно винить, – но я не ожидал этого от тебя. Ты ведешь себя как шлюха.

Он насыпал горку крупы, размером с муравейник, на пол из сосновых досок.

– Иди сюда и становись на колени.

Я стояла на крупе с шестилетнего возраста, но так и не смогла привыкнуть к этому ощущению толченого стекла, насыпанного тебе под кожу. Я подошла к горке такими крошечными шажками, как какая-нибудь японка, и опустилась на пол, твердо решив не плакать. Но мои глаза уже начинало жечь.

Т. Рэй сидел в кресле и чистил ногти карманным ножиком. Я переминалась с колена на колено, надеясь получить хотя бы секундное облегчение, но от этого боль лишь глубже проникала под кожу. Я закусила губу и в это мгновение почувствовала деревянную картинку Черной Мадонны у себя под поясом. Я почувствовала вощеную бумагу с фотографией внутри и перчатки мамы, прижатые к моему животу, и вдруг осознала, что там моя мама, прямо у меня на теле, как если бы она была панцирем, защитившим меня, чтобы помочь справиться со всей этой подлостью.

* * *

На следующее утро я проснулась поздно. Как только мои ноги коснулись пола, я сунула руку под матрас, проверить, на месте ли вещи моей мамы.

Уверившись, что все на месте, я отправилась на кухню, где нашла Розалин, подметающую крупу.

Я намазала маслом кусок хлеба.

Она мела с таким ожесточением, что меня обдавало ветром.

– Что произошло? – спросила она.

– Ночью я выходила в сад. Т. Рэй думает, что я встречалась там с мальчиком.

– А ты встречалась?

Я вытаращила на нее глаза:

– Нет.

– Сколько времени он держал тебя на этой крупе?

Я пожала плечами:

– Может, час.

Она прекратила мести и посмотрела на мои колени. Они горели сотнями ярких кровоподтеков, крошечными синяками, которые вскоре превратят кожу в сплошное синее пятно.

– Посмотри на себя, детка. Посмотри, что он с тобой сделал, – сказала Розалин.

Мои колени истязали достаточно много раз в моей жизни, чтобы я перестала думать об этом как о чем-то из ряда вон выходящем; с этим просто нужно было время от времени мириться, как с простудой. Но сейчас выражение лица Розалин заставило меня взглянуть на это новыми глазами. «Посмотри, что он с тобой сделал».

Я разглядывала свои колени – именно за этим занятием и застал меня Т. Рэй, войдя на кухню.

– Взгляните-ка, кто решил наконец проснуться. – Он вырвал хлеб у меня из рук и бросил в миску Снаута. – Будет не слишком бесцеремонно с моей стороны, если я попрошу тебя пойти в персиковую палатку и чуть-чуть поработать? Тебя пока еще не выбрали королевой дня.

Я знаю, это звучит безумно, но до сих пор я думала, что Т. Рэй хотя бы немножко меня любит. Я не могла забыть, как он улыбался мне в церкви, когда я пела, держа в руках перевернутый вверх ногами сборник гимнов.

Я смотрела на его лицо. Оно было злобным и презрительным.

– Пока ты живешь под моей крышей, ты будешь делать, что я скажу! – заорал он.

«Тогда я найду другую крышу», – подумала я.

– Ты поняла? – спросил он.

– Да, сэр, я поняла.

И это было правдой. Я поняла, что новая крыша сможет сделать для меня невероятное.

* * *

Ближе к вечеру я поймала еще двух пчел. Лежа на животе поперек кровати, я наблюдала, как они кружатся внутри банки, не находя выхода.

Розалин сунула голову в дверь:

– Ты в порядке?

– Ага.

– Я ухожу. Скажи своему папаше, что я пойду завтра в город, так что меня не будет.

– Идешь в город? Возьми меня, – сказала я.

– А тебе зачем?

– Ну Розалин, ну пожалуйста.

– Тебе придется всю дорогу идти пешком.

– Ну и что.

– Почти все будет закрыто, кроме лотков с фейерверками и бакалеи.

– Ну и что. Я просто хочу в свой день рождения выйти куда-нибудь из дому.

– Ладно, только отпросись у своего папаши. Я зайду за тобой утром.

Она уже вышла за дверь, когда я ее окликнула:

– Чего это ты собралась в город?

Мгновение она продолжала стоять ко мне спиной, совершенно не шевелясь. Когда она обернулась, лицо ее выглядело мягким и изменившимся, словно это была другая Розалин. Она сунула руку в карман, порылась в нем и вытащила сложенный блокнотный листок. Она села на кровать рядом со мной. Я потирала свои ноги, пока она разглаживала листок у себя на коленях.

Ее имя, Розалин Дэйз, было написано на этом листке по меньшей мере раз двадцать пять, крупными письменными буквами, как первая работа, которую ты сдаешь в начале учебного года в школе.

– Тут я тренировалась, – сказала она. – Ведь четвертого июля в церкви для цветных будет слет избирателей. Я регистрируюсь, чтобы голосовать.

У меня в желудке возникло неприятное ощущение. Накануне по телевизору сказали, что какого-то человека в Миссисипи убили за то, что он зарегистрировался для голосования. И я лично слышала, как мистер Басси, один из дьяконов, сказал Т. Рэю: «Не волнуйтесь, они потребуют, чтобы те писали свои имена безукоризненным письменным шрифтом, и не дадут им учетной карточки, если они забудут поставить хотя бы птичку над „й“ или сделать петлю в букве „у“».

Я разглядывала завитки в «Р» Розалин.

– А Т. Рэй знает, что ты делаешь?

– Т. Рэй… – сказала она. – Т. Рэй вообще ничего не знает.

* * *

На закате он прошаркал наверх, весь потный после работы. Я встретила его у кухонной двери, стоя со скрещенными на груди руками.

– Я думаю завтра сходить с Розалин в город. Мне нужно купить кое-какие предметы гигиены.

Он принял это без комментариев. Больше всего Т. Рэй ненавидел упоминания о женской половой зрелости.

Вечером я взглянула на банку на комоде. Несчастные пчелы сидели на донышке, едва шевелясь, и наверняка мечтали улететь. Тогда я вспомнила, как они выныривали из щелей в стенах и летали, летали. Я подумала о том, как моя мама делала дорожки из крошек от крекеров и пастилы, чтобы выманивать тараканов из дома, вместо того чтобы их давить. Я сомневалась, что она бы одобрила, что я держу пчел в банке. Я отвинтила крышку и положила ее рядом.

– Можете лететь, – сказала я.

Но пчелы остались на месте, словно самолеты на взлетной полосе, которые не знают, что полоса уже свободна. Они ползали на своих тоненьких лапках у стенок банки, как будто весь мир сжался до размеров этой банки. Я постучала по стеклу, даже положила банку на бок, но эти ненормальные пчелы не желали никуда улетать.

* * *

Пчелы были все еще там, когда на следующее утро пришла Розалин. Она принесла пирог с четырнадцатью свечками.

– Привет. С днем рождения, – сказала она.

Мы съели по два куска, запивая молоком. Молоко оставило на ее темной верхней губе белый полумесяц, который она не потрудилась вытереть. Позже я вспоминала об этом – как она отправилась в путь, женщина, отмеченная иной судьбой.

До Силвана было не близко. Мы шагали вдоль края дороги. Розалин двигалась медленно, но ритмично. Плевательная кубышка болталась у нее на пальце. Воздух был дымчатым и весь пропитан запахом персиков.

– Хромаешь? – спросила Розалин.

Ноги так болели, что я с трудом за ней поспевала.

– Немного.

– Тогда почему бы нам не присесть ненадолго в тенечке?

– Все в порядке, – сказала я, – не беспокойся.

Проехала машина, обдав нас пылью и горячим воздухом. Розалин от жары вся взмокла. Она вытирала лицо и тяжело дышала.

Показалась баптистская церковь Эбенезера, которую посещали мы с Т. Рэем. Сквозь заросли деревьев проступал шпиль, а красные кирпичи выглядели затененными и прохладными.

– Пойдем, – сказала я, сворачивая с дороги.

– Ты куда?

– Отдохнем в церкви.

Внутри было тихо и тускло. Свет косо падал из окон, но это были не симпатичные витражи, а матовые стекла, через которые невозможно ничего увидеть.

Я прошла вперед и села на вторую скамью, оставив место Розалин. Она взяла бумажный веер с полочки для сборников гимнов и теперь изучала картинку, нарисованную на нем, – белая церковь и улыбающаяся белая женщина, выходящая из дверей.

Розалин начала обмахиваться, и я чувствовала волны воздуха, идущие от нее. Она никогда не ходила в церковь, но в те несколько раз, когда Т. Рэй позволял мне сходить к ней домой, я видела ее специальную полочку с огарком свечи, речными камушками, красным пером и куском какого-то корня. В центре стояла фотография без рамки, на которой была изображена женщина.

Когда я в первый раз это увидела, то спросила у Розалин: «Это ты?», поскольку – клянусь – женщина выглядела в точности как она, с мохнатыми косичками, иссиня-черной кожей и узкими глазами, а вся масса ее тела стекла вниз, как у баклажана. По бокам, там, где Розалин держала фотографию пальцами, глянец вытерся.

– Это моя мама, – сказала она.

Эта полочка была иконостасом религии, которую она сама себе выдумала: гибрид культа природы и культа предков. Она прекратила посещать молитвенный дом Святого Евангелия много лет назад, поскольку службы там начинались в десять утра, а заканчивались не раньше трех пополудни, что было, как она выразилась, предостаточным количеством религии, чтобы убить взрослого человека.

Т. Рэй сказал, что религия Розалин была совершеннейшей галиматьей и чтобы я держалась от этого подальше. Но меня притягивало то, что она любит речные камушки и перья дятлов, что у нее есть единственная фотография мамы – прямо как у меня.

Одна из дверей открылась, и в церковь вошел брат Джералд, наш священник.

– Ради всего святого, Лили, что ты здесь делаешь?

Тут он увидел Розалин и с таким остервенением принялся скрести свою безволосую макушку, что я побоялась, что он протрет ее до самого черепа.

– Мы шли в город и завернули сюда, чтобы слегка охладиться.

Его рот округлился, он собрался что-то сказать, но промолчал; он был занят, рассматривая Розалин, сидящую в его церкви, Розалин, которая именно сейчас

решила сплюнуть в свою кубышку.

Забавно, что я забыла о правилах. Ей не полагалось здесь находиться. Всякий раз, когда доходили слухи о том, что группа негров собирается прийти в воскресенье утром на нашу службу, дьяконы, сцепив руки, вставали на ступенях церкви, чтобы их не пустить. Мы любим их во Христе, объяснял брат Джералд, но у них есть свои места.

– У меня сегодня день рождения, – сказала я, надеясь пустить его мысли в другое русло.

– Правда? Тогда с днем рождения, Лили. Так сколько тебе исполнилось?

– Четырнадцать.

– Спроси его, можно ли тебе взять парочку этих вееров как подарок ко дню рождения, – сказала Розалин.

Он издал тоненький смешок:

– Ну, если мы начнем раздавать веера всем, кто этого захочет, то в церкви не останется ни одного веера.

– Она просто шутит, – сказала я и встала.

Он улыбнулся, довольный, и провел меня до самой двери, а Розалин шла следом за нами.

Снаружи солнце светило еще ярче. Когда мы прошли мимо дома священника и снова оказались на шоссе, Розалин извлекла из-за пазухи два церковных веера и, придав своему лицу выражение невинности, передразнила меня: «О, брат Джералд, она просто шутит».

* * *

Мы вошли в Силван с самой гадкой его стороны. Старые дома из шлакоблоков. Вентиляторы, втиснутые в окна. Грязные дворики. Женщины в розовых бигуди. Собаки без ошейников.

Пройдя несколько кварталов, мы оказалась возле заправки Эссо на углу Уэст-маркет и Парк-стрит – место, знаменитое как пристанище для мужчин, у которых слишком много свободного времени.

Я обратила внимание, что на заправке нет ни одной машины. Трое мужчин сидели возле мастерской на пластиковых стульях, положив на колени лист фанеры. Они играли в карты.

– Крой, – сказал один из них, и заправщик, в шапочке с козырьком, шлепнул карту на лист фанеры. Он поднял глаза и увидел нас: Розалин шла, махая веером, и, подшаркивая, раскачивалась из стороны в сторону.

– Эй, взгляните-ка кто идет, – закричал он, – ты куда, черномазая?

Издалека до нас доносились взрывы петард.

– Не останавливайся, – прошептала я, – не обращай внимания.

Но Розалин, у которой оказалось меньше здравого смысла, чем я надеялась, произнесла тоном, каким ребенку в детском саду объясняют очень трудные вещи:

– Я иду зарегистрировать свое имя, чтобы мне разрешили голосовать, вот куда я иду.

– Нам лучше поторопиться, – сказала я, но она продолжала идти в своем обычном медленном темпе.

Человек с волосами, зачесанными назад, сидевший рядом с заправщиком, отложил карты и произнес:

– Вы это слышали? У нас здесь образцовый гражданин.

Ветер пел свою медленную песню, двигаясь вслед за нами по улице. Мы шли, а эти мужчины, отложив свой импровизированный стол, подошли к краю дороги. Они ждали нас стоя, как зрители на параде.

– Вы хоть раз видали таких черных? – сказал заправщик.

И человек с зачесанными назад волосами ответил:

– Нет. И я ни разу не видал таких больших.

Разумеется, третий мужчина должен был тоже что-нибудь сказать, так что он посмотрел на Розалин – беззаботно выступающую, с веером, который скорее подошел бы белой женщине, – и произнес:

– Где ты взяла этот веер, черномазая?

– Украла в церкви, – отрезала она. Буквально – отрезала.

Однажды я с ребятами из церкви плавала на плоту по реке Чаттуга, и теперь я испытывала похожие ощущения – что нас несет течение, водоворот событий, которому невозможно противиться. Подойдя к мужчинам, Розалин подняла кубышку, наполненную черной слюной, и спокойно вылила слюну им на ботинки, выводя рукой вензеля, как будто она писала свое имя – Розалин Дэйз, – точно так, как она тренировалась его писать.

Какую-то секунду они глядели на слюну, стекающую, как автомобильное масло, по их ботинкам. Они моргали, не в силах этому поверить. Когда они подняли глаза, я увидела, как удивление на их лицах уступает место злости, а затем и откровенной ярости. Они набросились на нее, и все завертелось. Розалин, которую держали и колошматили со всех сторон, Розалин, которая кружилась, пытаясь стряхнуть мужчин со своих рук, и мужчины, оравшие, чтобы она извинилась и вытерла им ботинки.

И еще слышались крики птиц над головой, резкие и бесполезные, – птицы срывались с веток, перемешивая воздух с ароматом сосны, и в тот момент я уже знала, что до конца жизни буду испытывать к этому запаху отвращение.

– Вызови полицию, – закричал заправщик кому-то внутри мастерской.

К тому времени Розалин лежала, распластавшись на земле и вплетя пальцы в траву. Из ранки под глазом шла кровь. Она затекала под подбородок, словно это были слезы.

Приехавший полицейский приказал нам сесть к нему в машину.

– Вы арестованы, – сказал он Розалин. – Оскорбление, кража и нарушение общественного порядка.

Затем он обратился ко мне:

– Когда приедем в участок, я позвоню твоему отцу, и пускай он с тобой разбирается.

Розалин залезла в машину и уселась. Я залезла вслед за ней и тоже уселась. Я делала все точно так же, как делала она.

Дверца закрылась. Она закрылась с легким щелчком, почти бесшумно, и это было самое странное – как такой тихий звук мог заполнить собой весь мир.

Глава вторая

Покинув старое гнездо, рой, обыкновенно, пролетает всего несколько метров и опускается. Пчелы-разведчики ищут подходящее место для новой колонии. В конце концов одному из мест отдается предпочтение, и весь рой вновь поднимается в воздух.

Пчелы мира

Полицейского, который вез нас в тюрьму, звали мистер Эвери Гастон, но люди на заправке называли его Туфля. Загадочное прозвище, поскольку его туфли (и даже его ноги, насколько я видела) были ничем не примечательны. Но что в нем

было примечательно, так это маленькие уши – уши, как у ребенка, уши, похожие на кусочки кураги. Я смотрела на них с заднего сиденья и думала, что его следовало бы прозвать Ухо.

Трое мужчин ехали за нами в зеленом пикапе с подставкой для ружья в кузове. Они двигались вплотную к нам и сигналили каждые несколько секунд. Я всякий раз подпрыгивала, и Розалин похлопывала меня по ноге. В какой-то момент они затеяли новую игру: ехали рядом с нами и что-то выкрикивали, но нам почти ничего не было слышно, поскольку окна были закрыты. Людям, сидящим на заднем сиденье полицейской машины, не полагалось дверных и оконных ручек, так что нам пришлось ехать в тюрьму в удушающей жаре.

Розалин глядела прямо перед собой и вела себя так, словно эти люди были мелкими мушками, жужжащими за оконной сеткой. Я лишь могла чувствовать, как дрожат ее ноги, – все заднее сиденье ходило ходуном.

– Мистер Гастон, – спросила я, – ведь эти люди не едут с нами?

В зеркале заднего вида появилась его улыбка.

– Трудно сказать, что будут делать люди, разозленные до такой степени.

Перед Главной улицей они устали от своих развлечений и умчались вперед. Я вздохнула с облегчением, но когда мы въехали на пустую автостоянку перед полицейским участком, они уже ждали нас на крыльце. Заправщик постукивал фонариком по ладони. Двое других помахивали нашими церковными веерами.

Когда мы вылезли из машины, мистер Гастон надел на Розалин наручники, защелкнув их у нее за спиной. Я шла так близко за ней, что чувствовала горячий пар, идущий от ее кожи.

Она остановилась в десятке ярдов от мужчин и отказалась двигаться с места.

– Послушайте, не заставляйте меня доставать оружие, – сказал мистер Гастон. Обычно полиция Силвана использовала оружие только тогда, когда их призывали отстреливать гремучих змей у кого-нибудь во дворе.

– Пойдем, Розалин, – сказала я, – что они тебе сделают, когда рядом полицейский?

Именно в эту секунду заправщик подошел к нам, поднял свой фонарик и опустил его на голову Розалин. Она упала на колени.

Я не помню, как я кричала, но помню, как мистер Гастон зажал мне рот.

– Тихо, – сказал он.

– Может, сейчас ты захочешь извиниться, – сказал заправщик.

Розалин пыталась встать, но без рук это было бесполезно. Вдвоем с мистером Гастоном мы поставили ее на ноги.

– Твоей черной жопе все равно придется извиняться, – сказал заправщик и сделал шаг к Розалин.

– Погоди, Франклин, – сказал мистер Гастон, ведя нас к двери, – сейчас не время.

– Я не успокоюсь, пока она не извинится.

Это последнее, что мы услышали, прежде чем оказаться внутри, где я ощутила непреодолимое побуждение встать на колени и поцеловать тюремный пол.

* * *

Если я и знала что-то о тюрьмах, так только из вестернов, но эта была совсем не похожа на те, что показывали в кино. Тут стены были покрашены розовым, а на окнах висели занавески в цветочек. Оказалось, что мы зашли через жилое помещение. Жена мистера Гастона вышла из кухни, на ходу смазывая форму для оладий.

– Привел тебе еще два рта на прокорм, – сказал мистер Гастон, и его жена вернулась к работе, даже не улыбнувшись и не проявив никакого сочувствия.

Мы прошли в переднюю часть здания, где находились два ряда пустых тюремных камер. Мистер Гастон снял с Розалин наручники и дал ей полотенце. Она прижимала его к голове, пока полицейский, сидя за столом, заполнял бумаги, а затем рылся в ящиках стола в поисках ключей.

Из камер доносился запах винного перегара. Туфля поместил нас в ближайшую камеру, где на скамейке, прикрепленной к одной из стен, кто-то нацарапал: «Трон для дерьма». Все выглядело почти нереально.

«Мы в тюрьме, – думала я. – Мы в тюрьме».

Когда Розалин убрала полотенце, я увидела двухсантиметровую ранку на вспухшем месте над бровью.

– Сильно болит? – спросила я.

– Так себе.

Она обошла камеру два или три раза, прежде чем сесть на скамейку.

– Т. Рэй вытащит нас отсюда, – сказала я.

– Угу.

Она не произнесла больше ни слова, пока, полчаса спустя, мистер Гастон не открыл дверь камеры.

– Вперед, – сказал он.

В глазах у Розалин мелькнула надежда. Она даже начала подниматься. Но он покачал головой.

– Ты остаешься здесь. Только девочка.

У двери я схватилась за прут решетки, словно это была рука Розалин.

– Я вернусь. Ладно?.. Ладно, Розалин?

– Не волнуйся, я справлюсь.

У нее на лице было такое выражение, что я едва не расплакалась.

* * *

Стрелка спидометра на грузовике Т. Рэя дрожала так сильно, что я не могла понять, показывает она на семьдесят или на восемьдесят. Сгорбившись над рулем, Т. Рэй давил на газ, отпускал, затем снова давил. Несчастный грузовик грохотал так, что казалось, капот вот-вот отлетит, срубив по пути несколько сосен.

Я воображала, что Т. Рэй так торопится домой, чтобы поскорее начать сооружать по всему дому пирамиды из крупы – продуктовую камеру пыток, где я буду ходить от одной кучки к другой, стоя на коленях по четыре часа кряду, с перерывами на туалет. Мне было все равно. Я не могла думать ни о чем, кроме Розалин, которая осталась в тюрьме.

Я скосила на него глаза:

– Что же будет с Розалин? Ты должен ее вытащить…

– Тебе еще повезло, что я тебя вытащил! – заорал он.

– Но она не может там оставаться…

– Она облила трех белых табачным соком! О чем она вообще думала, черт бы ее подрал?! Да еще самого Франклина Пози, прости господи. Она не могла найти кого-нибудь понормальней? Это самый сволочной ненавистник черномазых в Силване. Он ее прикончит и глазом не моргнет.

– Ты хочешь сказать, что он действительно ее убьет? – сказала я.

– Именно это я и хочу сказать.

У меня задрожали руки. Франклин Пози был тем мужчиной с фонариком, и он собирался убить Розалин! Но по большому счету разве я сама не понимала этого еще прежде, чем спросила Т. Рэя?

Он шел за мной, пока я поднималась по лестнице. Я специально шла медленно, и во мне нарастала злость. Как он мог вот так оставить Розалин в тюрьме?

Когда я вошла в свою комнату, Т. Рэй остановился в дверях.

– Я должен пойти насчитать сборщикам зарплату, – сказал он. – Не выходи из комнаты. Ты меня поняла? Сиди здесь и думай о том, как я приду, чтобы с тобой разобраться. Думай об этом изо всех сил.

– Не пугай меня, – произнесла я себе под нос.

Он уже уходил, но теперь резко обернулся:

– Что ты сказала?

– Не пугай меня, – повторила я громче. Что-то высвободилось внутри меня, какая-то дерзость, до тех пор запертая в моей груди.

Он сделал шаг ко мне, подняв руку, словно собираясь ударить меня по лицу тыльной стороной ладони.

– Давай, попробуй, ударь меня! – крикнула я.

Когда он ударил, я отпрянула назад. Мимо!

Я подбежала к кровати и забралась на ее середину, тяжело дыша.

– Моя мама больше не позволит тебе ко мне прикасаться! – крикнула я.

– Твоя мама? – Его лицо было пунцовым. – Ты думаешь, этой проклятой женщине было до тебя хоть какое-то дело?

– Моя мама меня любила! – крикнула я.

Он откинул голову и издал неестественный смешок.

– Это… это не смешно, – сказала я.

Тогда он наклонился к кровати, упершись кулаками в матрас и поднеся свое лицо так близко к моему, что я могла видеть поры на коже. Я отодвинулась назад, к подушкам, прижавшись спиной к стенке.

– Не смешно? – простонал он. – Не смешно?!! Отчего же, это самое смешное дерьмо, какое я слышал в своей жизни: ты думаешь, что твоя мать – твой ангел-хранитель. – Он опять засмеялся. – Она не смогла бы наплевать на тебя сильнее, чем она это сделала.

– Это неправда, – сказала я. – Нет.

– Да откуда тебе знать? – сказал он, все еще нависая надо мной. Остатки улыбки приподнимали уголки его рта.

– Ненавижу тебя! – выкрикнула я.

Улыбка тут же исчезла с его лица. Он весь напрягся.

– Ты, маленькая сучка, – произнес он. Его губы побелели.

Я вдруг ощутила холод, как будто бы в комнату заползло что-то опасное. Я посмотрела в сторону окна и почувствовала, что начинаю дрожать.

– Теперь послушай меня, – сказал он совершенно ровным голосом. – Правда в том, что твоя несчастная мать сбежала и бросила тебя. В день своей смерти она вернулась, чтобы забрать вещи. Вот и все. Можешь ненавидеть меня сколько хочешь, но именно она тебя бросила.

В комнате воцарилась тишина.

Он смахнул что-то со своей рубашки и вышел.

После его ухода я сидела не двигаясь – только водила пальцем по полоскам света на кровати. Его ботинки прогрохотали по лестнице и затихли. Я вытащила подушки из-под кроватного покрывала и разложила вокруг себя, словно бы это был спасательный плот, который удержит меня на поверхности. Я могла понять, почему она бросила его. Но бросить меня?

Банка стояла теперь на тумбочке пустая. За время, прошедшее с утра, пчелы успели прийти в себя и улететь. Я дотянулась до банки, взяла ее в руки, и из меня полились слезы, которые я, казалось, сдерживала годами.

«„Твоя несчастная мать сбежала и бросила тебя. В день своей смерти она вернулась, чтобы забрать вещи. Вот и все…“ Бог и Иисус, заставьте его взять эти слова назад».

На меня нахлынули воспоминания. Чемодан на полу… Они кричат друг на друга… Мои плечи затряслись, совершенно меня не слушаясь. Я прижимала банку к груди, надеясь, что это меня успокоит, но не могла унять дрожь, не могла прекратить плакать, и это пугало, как если бы меня сбила машина, которую я не заметила, и я лежала на дороге, стараясь понять, что же произошло.

Я сидела на краю кровати, снова и снова повторяя про себя его слова. Всякий раз я чувствовала боль в том месте, где билось мое сердце.

Не знаю, сколько времени я так просидела, чувствуя, что разваливаюсь на части. Наконец я подошла к окну и стала смотреть на персиковые деревья, тянущиеся чуть ли не до Северной Каролины, на их покрытые листьями руки, поднятые в немой мольбе. Помимо деревьев, там было лишь небо, воздух и одиночество.

Я заглянула в банку, которую все еще держала в руке, и увидела на дне лужицу слез. Я отодвинула сетку и вылила их в окно. Ветер подхватил мои слезы и рассеял их по выжженной траве. «Как она могла меня бросить?» Я стояла там несколько минут, пытаясь осознать его слова. Слышалось пение птиц – такое прекрасное.

И тут меня осенило: «Что, если все это неправда? Что, если Т. Рэй все это выдумал, чтобы меня наказать?»

Я почувствовала такое облегчение, что у меня даже закружилась голова. Так и было. Так должно было быть. Надо сказать, что мой отец был Томасом Эдисоном, когда дело доходило до изобретения наказаний. Однажды, когда я ему нагрубила, он сказал, что моя крольчиха, Мадемуазель, умерла, и я проплакала всю ночь, а наутро нашла ее в своей клетке, живой и невредимой. Он наверняка и теперь все выдумал. Некоторые вещи в этом мире совершенно невозможны. Так не бывает, чтобы оба родителя не любили своего ребенка. Один – еще может быть, но, умоляю, только не оба!

Наверняка все было так, как он рассказывал раньше: в тот день она чистила чулан. Люди ведь часто чистят чуланы.

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

Можно сказать, что у меня никогда не было религиозного откровения, вроде тех, когда ты знаешь, что с тобой говорит Голос. И он звучит так отчетливо, что ты видишь, как слова сверкают, просвечивая сквозь облака и деревья. Такое откровение снизошло на меня в тот самый момент, когда я находилась в своей комнате. Я услышала Голос, который сказал: «Лили Мелисса Оуэнс, твоя банка открыта».

Уже через считаные секунды я точно знала, что нужно сделать – уйти! Я должна уйти от Т. Рэя, который, возможно, в тот самый момент уже направлялся сюда, чтобы сделать со мной бог знает что. Не говоря уже о том, что мне нужно было вытащить Розалин из тюрьмы.

Часы показывали два сорок. Мне необходим был план, но я не могла позволить себе роскошь сидеть и что-то придумывать. Я схватила розовую брезентовую сумку, которую собиралась использовать для ночевок у подружек, если бы у меня таковые когда-нибудь появились. Я достала тридцать восемь долларов, которые заработала, продавая персики, и засунула их в сумку вместе с семью своими лучшими трусиками – такими, на которых сзади написаны дни недели. Еще я засунула туда носки, пять пар шорт, футболки, пижаму, шампунь, расческу, зубную пасту и щетку, резинки для волос – не забывая все время поглядывать в окно. Что еще? Взгляд упал на висящую на стене карту, и я

содрала ее, даже не потрудившись вытащить кнопки.

Я залезла рукой под матрас и достала фотографию мамы, перчатки, Черную Мадонну и тоже запихала их следом.

Выдрав лист из блокнота, я написала записку – коротко и по существу: «Дорогой Т. Рэй. Не трудись меня искать. Лили. P. S. Люди, которые лгут, подобно тебе, должны гореть в аду».

Когда я вновь взглянула в окно, Т. Рэй шел из сада по направлению к дому, кулаки сжаты, голова наклонена, как у быка, который собирается кого-то боднуть.

Я положила записку на стол и на секунду задержалась в центре комнаты, раздумывая, увижу ли ее когда-нибудь вновь. «Прощай», – сказала я и почувствовала, как крошечный росточек грусти пробился из моего сердца.

Выйдя из дома, я обнаружила разрыв в сетке, которой был обернут фундамент. Я пролезла в отверстие и исчезла среди фиолетового света и паутинного воздуха.

Ботинки Т. Рэя протопали через веранду.

– Лили! Лили-и-и-и-и! – Я слышала, как его голос разносится по всему дому.

Вдруг я увидела Снаута, который обнюхивал то место, где я недавно пролезала. Я отступила глубже в темноту, но он уже учуял мой запах и принялся лаять во всю свою паршивую глотку.

Т. Рэй появился со смятой запиской в руке, заорал на Снаута, чтобы тот заткнулся, влез в грузовик и рванул с места, оставляя за собой шлейф выхлопных газов.

* * *

Идя во второй раз за сегодняшний день по заросшей сорняками обочине шоссе, я думала о том, насколько старше сделал меня день моего четырнадцатилетия. За

несколько часов я стала старше на сорок лет.

Дорога, насколько хватало глаз, была пуста, и воздух над ней дрожал. Если мне удастся освободить Розалин, – «если» казалось таким же большим, как планета Юпитер, – то куда мы пойдем?

Внезапно я застыла на месте. «Тибурон, Южная Каролина». Ну конечно. Город, написанный на обороте Черной Мадонны. Разве я не собиралась однажды туда съездить? И это было совершенно логично: моя мама там бывала. Или же она там кого-то знала – кого-то, кто потрудился послать ей милую картинку с изображением матери Иисуса. И кому придет в голову нас там искать?

Я присела возле канавы и развернула карту. Тибурон был крошечной точкой возле большой красной звезды Колумбии. Т. Рэй обязательно будет наводить справки на автовокзале, так что нам с Розалин придется добираться автостопом. Насколько это сложно? Ты просто стоишь на дороге, оттопырив большой палец, пока кто-нибудь тебя не пожалеет.

Вскоре после того, как я миновала церковь, мимо проскочил брат Джералд на своем белом «форде». Зажглись стоп-сигналы, и машина задним ходом подъехала ко мне.

– Так и знал, что это ты, – сказал он, высунувшись в окно. – Куда идешь?

– В город.

– Опять? А сумка зачем?

– Я… я несу кое-что для Розалин. Она в тюрьме.

– Да, я знаю, – сказал он, открывая пассажирскую дверцу. – Залезай, мне тоже туда.

До сих пор я никогда не ездила в машине священника. Не то чтобы я ожидала, что задняя часть машины до потолка будет забита Библиями, но я все же удивилась, увидев, что внутри эта машина похожа на любую другую.

– Ты едешь к Розалин? – спросила я.

– Мне позвонили из полиции и попросили выдвинуть против нее обвинение за кражу церковного имущества. Они сказали, что она взяла наши веера. Ты что-нибудь об этом знаешь?

– Всего два веера…

Он тут же вошел в роль проповедника:

– В глазах Бога не имеет значения, два веера или двести. Воровство есть воровство. Она спросила, можно ли взять веер, я сказал «нет», на чистом английском. Она все равно их взяла. Это грех, Лили.

Праведники всегда действовали мне на нервы.

– Но она глуха на одно ухо, – сказала я. – Думаю, что она вас просто не поняла. С ней всегда так. Т. Рэй может ей сказать: «Поджарь мне на завтрак яйца» – а она зажарит ему зайца.

– Проблемы со слухом. Да, об этом я не знал.

– Розалин в жизни ничего не украдет.

– Еще они сказали, что она оскорбила каких-то людей на заправке Эссо.

– Все было не так, – сказала я. – Она просто пела свой любимый гимн: «Где были вы, когда распяли Бога?». Я не верю, что эти люди христиане, брат Джералд, поскольку они стали орать, чтобы она заткнулась со своей дурацкой песенкой про Иисуса. Розалин сказала: «Вы можете ругать меня, но не оскверняйте Господа нашего Иисуса». Но они не унимались. Тогда она вылила сок из своей табачной чашечки прямо им на ботинки. Может, она была и не права, но, с ее точки зрения, она защищала Иисуса.

Я вся взмокла.

Брат Джералд нервно покусывал нижнюю губу. Похоже, он всерьез раздумывал над моими словами.

* * *

Мистер Гастон был один. Когда мы с братом Джералдом вошли, он сидел за столом и ел арахис. Повсюду на полу валялись ореховые скорлупки.

– Твоей цветной здесь нет, – сказал он, глядя на меня. – Я отвез ее в больницу, чтобы ей наложили швы. Она упала и стукнулась головой.

Черта с два она упала и стукнулась головой. Мне хотелось швырнуть его чашку с арахисом об стену.

Я не смогла удержаться, чтобы не заорать на него:

– Что это значит – «упала и стукнулась головой»?!

Мистер Гастон посмотрел на брата Джералда – этаким все понимающим взглядом, каким обмениваются мужчины, когда женщина ведет себя якобы как истеричка.

– Успокойся, – сказал он.

– Я не могу успокоиться, пока не уверена, что с ней все в порядке, – сказала я уже спокойнее, но все еще дрожащим голосом.

– Она в порядке. Всего лишь стукнулась головой. Полагаю, она будет здесь уже к вечеру. Доктор хотел несколько часов за ней понаблюдать.

Пока брат Джералд объяснял, что он не может подписать ордер, раз Розалин почти глуха, я направилась к двери.

Мистер Гастон окинул меня подозрительным взглядом:

– Мы приставили к ней охранника, и он никому не позволяет с ней видеться, так что отправляйся домой. Ты поняла?

– Да, сэр. Я иду домой.

– Вот именно, домой, – сказал он. – Потому что, если я узнаю, что ты ошиваешься вокруг больницы, я снова вызову твоего отца.

* * *

Мемориальная больница Силвана была приземистым кирпичным зданием с одним крылом для белых и другим – для черных.

Я ступила в пустынный коридор, изобилующий различными запахами. Гвоздика, старики, спиртовые протирки, освежители воздуха, микстуры. В «белом» отделении из окон торчали кондиционеры, но здесь лишь вентиляторы гоняли с места на место горячий воздух.

У стойки дежурной сестры стоял полицейский. Он выглядел как какой-нибудь старшеклассник, который прогуливает физкультуру или вышел покурить на переменке. Он разговаривал с девушкой в белом. Видимо, медсестра, но она не выглядела намного старше меня. «Я сменяюсь в шесть», – расслышала я слова полицейского. Она улыбалась, пряча за ухом непослушный локон.

В противоположном конце коридора напротив одной из комнат я увидела пустой стул. Под ним лежала полицейская фуражка. Я подошла и увидела на двери табличку: «ПОСЕЩЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ». Я вошла прямо туда.

Там было шесть кроватей, и все они пустовали – кроме одной, самой дальней, возле окна. Одеяло вздыбилось, с трудом вмещая под собой пациента. Я опустила сумку на пол.

– Розалин?

Вокруг ее головы была обмотана марлевая повязка размером с детскую пеленку. Запястья привязали к прутьям кровати.

Увидев меня, она начала плакать. За все те годы, что она за мной ухаживала, я ни разу не видела, чтобы хоть одна слезинка скатилась по ее лицу. Теперь же словно прорвало плотину. Я гладила ее руку, ногу, щеку, плечо.

Когда ее слезные железы наконец истощились, я спросила:

– Что с тобой случилось?

– Когда ты ушла, этот полицейский, по кличке Туфля, впустил тех людей, чтобы они получили свои извинения.

– Они снова тебя ударили?

– Двое держали меня за руки, а третий бил – тот, с фонариком. Он сказал: «Извиняйся, черномазая» – а когда я не извинилась, он стал меня бить, пока полицейский не сказал «хватит». Но они все равно не дождались своих извинений.

Я желала, чтобы эти люди подохли в аду, моля о глотке воды, но я сердилась и на Розалин.

«Почему она не могла просто извиниться? Тогда, может, Франклин Пози, побив, оставил бы ее в покое. Но теперь они точно вернутся».

– Тебе нужно уходить отсюда, – сказала я, отвязывая ее запястья.

– Но я не могу просто уйти, – сказала она. – Я все еще в тюрьме.

– Если ты здесь останешься, эти люди придут и убьют тебя. Я не шучу. Они убьют тебя, как убили тех цветных в Миссисипи. Даже Т. Рэй так считает.

Когда она села, ее больничный халат поднялся выше колен. Она попробовала его натянуть, но тот снова полз вверх, словно резиновый. В шкафу я нашла платье и протянула Розалин.

– Но это безумие, – сказала она.

– Надевай платье. Просто делай, что я говорю, ладно?

Она натянула его через голову и встала. Повязка косо сползала на глаза.

– Повязку надо снять, – сказала я.

Я сняла повязку, и под ней обнаружились два ряда швов. Затем я заглянула в замочную скважину, чтобы посмотреть, не вернулся ли полицейский на свой стул.

Он был там. Конечно, было бы слишком хорошо, если бы он флиртовал с медсестрой столько времени, чтобы мы успели оттуда смыться. Я постояла пару минут, пытаясь что-нибудь придумать, затем открыла свою сумку, нащупала деньги и вытащила несколько десятицентовиков.

– Я попытаюсь от него избавиться. Залезай в постель, на случай если он заглянет.

Она таращилась на меня, ее зрачки сузились, превратившись в две точки.

– Малютка Иисус, – сказала она.

Когда я вышла в коридор, он аж подпрыгнул.

– Тебе не положено там находиться!

– Я уже поняла, – сказала я. – Я ищу свою тетю. Готова поклясться, что мне сказали «комната сто два», но там какая-то цветная. – Я потрясла головой, стараясь выглядеть смущенной.

– Ты заблудилась. Тебе нужно в другое крыло здания. Здесь отделение для цветных.

Я улыбнулась:

– Понятно.

В отделении для белых я нашла телефон-автомат. Над информационной стойкой я увидела номер больницы и набрала его, попросив дежурную медсестру «цветного» отделения.

Я прочистила горло.

– Это жена надзирателя из полицейского участка, – сказала я ответившей мне девушке. – Мистер Гастон хочет, чтобы вы отослали полицейского, который у вас дежурит, назад в участок. Скажите, что должен приехать священник, чтобы подписать кое-какие бумаги, а мистер Гастон не может здесь находиться, поскольку ему надо срочно уйти. Так что, пожалуйста, скажите, чтобы он сразу же шел сюда.

Какая-то часть меня произносила эти слова, а другая часть слушала, как я их говорю, и думала. Думала то об исправительной школе, то о колонии для юных правонарушителей и понимала, что скоро я наверняка окажусь в одной из них…

Я прокралась в «цветное» отделение и встала, сгорбившись над фонтанчиком питьевой воды, искоса глядя, как девушка в белом, активно жестикулируя, пересказывает ему мое послание. Я видела, как полицейский надел свою фуражку, прошествовал по коридору и вышел за дверь.

* * *

В коридоре я огляделась по сторонам. Чтобы добраться до двери, нужно было пройти мимо стойки дежурной сестры, но девушка в белом была занята – опустив голову, она что-то писала.

– Иди, будто ты посетитель, – сказала я Розалин.

Когда мы были на полпути к стойке, девушка прекратила писать и встала.

– Дерьма кусок, – прошептала я. Схватив Розалин за руку, я втащила ее в какую-то комнату.

Крошечная старушка сидела на кровати, как птица на насесте. Ее лицо напоминало сморщенную черничину. Когда она нас увидела, ее рот

приоткрылся, а язык изогнулся, как запятая, потерявшая свое место.

– Мне бы воды чуток, – сказала она.

Розалин налила из кувшина и протянула ей стакан, пока я, прижимая сумку к груди, выглядывала в коридор.

Я увидела, как девушка, взяв какую-то бутылку, исчезла в комнате за несколько дверей от нас.

– Пошли, – сказала я.

– Уже уходите? – спросила старушка.

– Ага, но я вернусь еще до вечера – это уж как пить дать, – ответила Розалин, скорее мне, нежели этой женщине.

На этот раз мы повели себя не как посетители, а рванули бегом.

Снаружи я схватила Розалин за руку и потащила за собой.

– Поскольку ты все так хорошо продумала, то, полагаю, ты знаешь, куда мы идем, – с выражением сказала она.

– Мы идем к Сороковому шоссе и ловим там машину до Тибурона, Южная Каролина. По крайней мере попробуем.

Мы шли окольными путями, сначала через городской парк, пройдя по узкой аллее до Ланкастер-стрит, затем несколько кварталов до Мэй-Понд-роуд, где, пройдя бакалею Глена, свернули на пустырь.

Мы пробирались через заросли кустов и цветов, среди стрекоз и запаха каролинского жасмина, столь густого, что я почти видела, как он клубится в воздухе, подобно золотистому дымку. Розалин не спрашивала меня, почему мы едем в Тибурон, а я ей ничего не говорила. Зато она спросила:

– С каких это пор ты стала говорить «дерьмо»?

Я никогда не прибегала к сквернословию, хотя немало слышала его от Т. Рэя, а также читала на стенках в общественных уборных.

– Мне уже четырнадцать. Думаю, мне теперь можно ругаться, если хочется.

И мне хотелось.

– Дерьма кусок, – сказала я.

– Дерьма кусок, адский огонь, проклятие и сучьей матери сын, – сказала Розалин, смакуя каждое слово, словно на языке у нее был сладкий картофель.

* * *

Мы стояли на обочине Сорокового шоссе в тени от щита с выгоревшей рекламой сигарет «Лаки страйк». Я выставила большой палец, но машины, завидев нас, лишь прибавляли газу.

Нас пожалел цветной мужчина на побитом грузовичке, который вез дыни-канталупы. Я влезла первой, и мне пришлось чуть ли не сплющиться, чтобы Розалин могла усесться рядом со мной.

Мужчина сказал, что едет в Колумбию повидать сестру и что везет дыни на фермерский рынок. Я сказала, что еду в Тибурон навестить тетю, а Розалин будет помогать ей по хозяйству. Звучало неубедительно, но он не задавал вопросов.

– Могу высадить вас в трех милях от Тибурона, – сказал он.

Закат – самое печальное зрелище на земле. Мы долго ехали в его сиянии, а вокруг была тишина, ее нарушали только сверчки и лягушки, которые все громче пели в надвигающихся сумерках. Я наблюдала через окно за тем, как свет постепенно уступает место темноте.

Водитель включил радио, и кабину заполнили звуки песни: «Детка, детка, куда же ушла наша любовь?» Ничто, кроме песенки о потерянной любви, не может так напомнить вам о жизни, которая сошла со своих привычных рельсов и несется под откос. Я положила свою голову рядом с рукой Розалин. Я хотела, чтобы она похлопала меня и, таким образом, вернула бы нашу жизнь на место, но ее руки неподвижно лежали на коленях.

Через девяносто миль после того, как мы сели в грузовик, фермер остановился на обочине возле знака «ТИБУРОН 3 МИЛИ». Знак указывал налево, на дорогу, уходящую в серебристую темноту. Вылезая из машины, Розалин спросила, нельзя ли нам взять одну из дынь для ужина.

– Возьмите две, – сказал он.

Задние огни грузовика превратились в точки не крупнее светлячков, прежде чем мы заговорили или хотя бы пошевелились. Я старалась не думать о том, насколько печально наше положение. Я не была уверена, что нам теперь будет лучше, чем дома с Т. Рэем или даже в тюрьме. Вокруг не было никого, кто мог бы нам помочь. И все же я чувствовала себя до боли живой, словно бы в каждой клеточке тела горело пламя, которое жгло меня изнутри.

– По крайней мере сегодня полнолуние, – сказала я.

Мы наконец пошли. Если вы думаете, что природа ночью затихает, значит вы никогда не бывали на природе. Одни только древесные лягушки могут заставить мечтать об ушных затычках.

Мы шли, притворяясь, что это обычная прогулка. Розалин сказала, что, похоже, у фермера, который нас подвез, неплохой урожай дынь. Я сказала – удивительно, что нет комаров.

Когда мы дошли до моста, то решили спуститься, чтобы заночевать на берегу речки. Внизу была совсем другая вселенная, рябь на воде искрилась, а лоза дикого винограда гамаком висела между соснами. Это напомнило мне волшебный лес братьев Гримм, вызвав беспокойное ощущение, которое появлялось всякий раз, стоило мне открыть книгу сказок, где невероятное становилось возможным и можно было ждать любых неожиданностей.

Розалин расколола канталупы о речной валун. Вскоре от дынь остались одни корочки, и мы стали пить воду, зачерпывая ее ладонями и не заботясь ни о водорослях, ни о головастиках, ни о том, не гадят ли вверх по течению в речку коровы. Затем мы сели на берегу и посмотрели друг на друга.

– Мне просто интересно, почему из всех мест на земле ты выбрала именно Тибурон, – сказала Розалин. – Я о нем никогда даже не слыхала.

Хотя и было темно, я вынула из сумки картинку с Черной Мадонной и протянула Розалин.

– Это принадлежало моей маме. На обратной стороне написано: «Тибурон, Южная Каролина».

– Поправь меня, если я не так поняла. Ты выбрала Тибурон, потому что у твоей матери была картинка с названием этого города на обороте – и все?

– Ну, подумай сама, – сказала я. – Она наверняка бывала там, иначе откуда у нее эта картинка? А если так, то кто-нибудь запросто может ее вспомнить.

Розалин повернула картинку к лунному свету, чтобы лучше ее разглядеть.

– И кто это на картинке?

– Дева Мария, – сказала я.

– Но, если ты до сих пор не заметила, она черная, – сказала Розалин, и по тому, как она, раскрыв рот, глядела на картинку, я видела, что это произвело на нее впечатление. Я могла прочесть ее мысли: «Если мать Иисуса черная, то почему нам известно только о белой Марии?» Это было все равно как если бы женщины узнали, что у Иисуса была сестра-близнец, которая получила свою половину божественных генов и при этом – ни капли славы.

Она вернула мне картинку:

– Думаю, мне можно смело умирать, потому что я уже видела все.

Я засунула картинку в карман.

– Знаешь, что сказал Т. Рэй о моей маме? – спросила я, собираясь наконец рассказать ей о том, что произошло. – Он сказал, что мама бросила меня и Т. Рэя задолго до своей смерти. Что она просто приходила забрать вещи, когда это произошло.

Я ждала, чтобы Розалин сказала, насколько это нелепо, но она смотрела прямо перед собой, как бы взвешивая подобную возможность.

– И это неправда, – сказала я таким голосом, словно кто-то выталкивал его снизу через горло. – А если он думает, что я поверю этим байкам, значит у него дырка в его так называемом мозгу. Он просто все это выдумал, чтобы меня наказать. Я знаю, что это так.

Я могла бы еще добавить, что у мам есть инстинкты и гормоны, которые не позволяют им бросать своих детей, что даже свиньи и опоссумы не покидают своих детенышей, но Розалин, обдумав наконец сказанное мной, произнесла:

– Ты, возможно, права. Твой папаша мог бы сделать и не такое.

– А моя мама никогда бы не сделала того, что он сказал, – добавила я.

– Я не была знакома с твоей мамой, – сказала Розалин. – Но мне приходилось видеть ее издалека, когда я возвращалась из сада после уборки. Она обычно развешивала белье или поливала огород, а ты была возле нее, играла рядом. Только однажды я видела ее без тебя.

До сих пор я и понятия не имела, что Розалин видела мою маму. Внезапно я почувствовала головокружение, не знаю, было ли это из-за голода, усталости или от этих поразительных новостей.

– И что она делала в тот раз, когда ты видела ее одну? – спросила я.

– Она сидела за сараем с трактором, прямо на земле, и глядела в никуда. Когда мы прошли мимо, она нас даже не заметила. Помню, я подумала, что она выглядит печальной.

– Еще бы. Кто хочешь будет печальным, живя с Т. Рэем.

Словно бы лампочка вспыхнула на лице Розалин – вспышка понимания.

– Ага, – сказала она, – до меня дошло. Ты убежала из-за того, что твой папаша сказал о твоей маме. Это не имело никакого отношения ни ко мне, ни к тюрьме. А я тут как дура сижу и волнуюсь, что ты из-за меня убежала и нарвалась на неприятности, а ты бы все равно убежала. Ну что ж, спасибо, что захватила меня с собой.

Она выпятила губу и посмотрела наверх в сторону дороги, заставив меня подумать, не собирается ли она вернуться тем же путем, каким мы пришли сюда.

– Ну и какие у тебя планы? – спросила она. – Ходить из города в город, спрашивая о своей маме? Это твой блестящий замысел?

– Если бы я хотела, чтобы меня критиковали круглыми сутками, то я бы взяла с собой Т. Рэя! – крикнула я. – И чтобы ты знала – у меня нет никакого плана.

– Ну, я уверена, что у тебя был план, когда ты пришла ко мне в больницу, заявив, что надо делать то-то и то-то, а я должна была только следовать за тобой, как собачка. Ты вела себя так, будто ты мой хозяин. Словно я безмозглая негритоска, которую ты собираешься спасать. – Ее глаза сузились и смотрели на меня жестко.

Я поднялась на ноги.

– Это несправедливо! – Я задыхалась от гнева.

– У тебя были благие намерения, и я рада оказаться подальше оттуда, но пришло ли тебе хоть раз в голову спросить меня?

– Ты действительно безмозглая! – заорала я. – Нужно быть совершенно безмозглой, чтобы вылить табачный сок на ботинки этим типам. И еще безмозглей, чтобы не попросить прощения, если это может спасти тебе жизнь. Они собирались вернуться и убить тебя, или еще что похуже. Я вызволила тебя

оттуда, и вот она – благодарность! Ну что ж.

Я стащила ботинки, схватила сумку и вошла в реку. Холод нарезал круги на моих лодыжках. Мне не хотелось находиться с Розалин на одной планете, а еще меньше – на одной стороне реки.

– Отныне можешь делать все, что захочешь! – крикнула я, обернувшись через плечо.

На том берегу я плюхнулась на мшистую землю. Мы смотрели друг на друга через реку. В темноте она выглядела булыжником, обточенным пятьюстами годами непрерывных штормов. Я легла на спину и закрыла глаза.

В своем сне я снова была на персиковой ферме. Я сидела за сараем с трактором, и, хотя была середина дня, в небе сияла огромная круглая луна. Она выглядела так прекрасно. Некоторое время я на нее смотрела, а затем привалилась к стене сарая и прикрыла глаза. Потом я услышала звук, словно бы кто-то колол лед. Я взглянула наверх и увидела, что луна развалилась на части и падает на меня. Нужно было спасать свою жизнь.

Я проснулась с болью в груди. Я поискала на небе луну и нашла ее целой и невредимой, нависающей над рекой. Я посмотрела за реку. Розалин там не было.

Мое сердце бешено заколотилось.

«Ради бога. Я не хотела обращаться с ней как с собачкой. Я только хотела ее спасти. Вот и все».

Пытаясь на ощупь надеть ботинки, я ощущала такое же горе, какое я чувствовала каждый год, приходя в церковь в День матери. «Мама, прости».

«Розалин, где ты?» Я подхватила сумку и побежала вдоль речки к мосту, даже не чувствуя, что плачу. Споткнувшись в темноте о корягу, я растянулась во весь рост и решила больше не подниматься. Я представила Розалин за мили отсюда, шагающей по шоссе и ворчащей себе под нос: «Дерьма кусок, проклятая глупая девчонка».

Взглянув наверх, я заметила, что дерево, под которым я упала, было практически голым. Лишь несколько зеленых пятнышек тут и там да серый лишайник, свисающий до земли. Даже в темноте было видно, что оно умирает, и умирает в одиночестве среди всех этих равнодушных сосен. И так было и будет всегда. Гибель рано или поздно поселяется внутри и проедает тебя насквозь.

Из ночи возникли звуки мелодии. Это не был церковный гимн в полном смысле этого слова, но что-то очень на него похожее. Я пошла на звук и обнаружила Розалин посредине реки в чем мать родила. Бисеринки воды сверкали у нее на плечах, словно капли молока, а ее груди колыхались, увлекаемые течением. Это зрелище не могло оставить меня равнодушной – мне захотелось подойти и слизать молочные бисеринки с ее плеч.

Я открыла рот. Я чего-то хотела. Чего-то, чего сама не знала. «Мама, прости». Вот все, что я чувствовала. Эта извечная жажда не собиралась меня отпускать.

Я избавилась от ботинок, шорт и футболки. Я на секунду замешкалась, а потом сняла и трусики.

Вода ощущалась как ледник, тающий вокруг моих ног. Должно быть, Розалин услышала, как я от холода хватаю ртом воздух, поскольку она подняла глаза и, увидев, как я, голая, иду к ней по воде, засмеялась.

– Взгляните-ка, кто идет – сиськами трясет.

Я присела с ней рядом, затаив дыхание под ледяными укусами воды.

– Извини, – сказала я.

– И ты меня. – Она дотянулась и похлопала по моей коленке, как по бисквитному тесту.

Благодаря луне я четко видела дно – каждый камушек. Я взяла один: красноватый, круглый – гладкое водяное сердце. Я положила его в рот, желая высосать из него весь костный мозг.

Опершись на локти, я сползала, пока вода не сомкнулась над моей головой. Я затаила дыхание и слушала, как вода царапает меня по ушам, и мне хотелось как можно глубже погрузиться в этот темный шипучий мир. Но я думала о чемодане на полу, о лице, черты которого не могла разобрать, о сладковатом запахе кольдкрема.

Глава третья

Новоиспеченным пчеловодам рассказывают, что найти пропавшую матку можно, выявив сперва круг ее приближенных.

«Королева[2 - В английском языке «королева» и «пчелиная матка» обозначаются одним и тем же словом «queen».] должна умереть» и другие проблемы пчел и людей

После Шекспира я больше всего люблю Торо. С миссис Генри мы читали отрывки из «Уолдена», и после этого я мечтала о том, как уйду в свой тайный сад, где Т. Рэй никогда меня не найдет. Я начала ценить мать-природу и то, что она делает с землей. В моем воображении она была похожа на Элеонору Рузвельт.

С мыслью о ней я и проснулась в то утро на постели из лозы дикого винограда. Над водой плыла дымка, и стрекозы, переливаясь синим, сновали туда-сюда, словно бы зашивали что-то в воздухе крупными стежками. Зрелище было столь завораживающим, что я на секунду забыла тяжелое чувство, которое носила в себе с тех пор, как Т. Рэй рассказал о моей маме. Вместо этого я находилась возле Уолденского пруда.

«Первый день новой жизни, – сказала я себе. – Вот он какой».

Розалин спала с открытым ртом, и с ее нижней губы свисала ниточка слюны. По тому, как ее глаза бегали под веками, можно было понять, что она видит сны. Ее распухшее лицо выглядело лучше, чем накануне, но в ярком свете дня я также увидела синяки на ее руках и ногах. Ни у кого из нас не было часов, но, судя по солнцу, мы проспали почти все утро.

Мне не хотелось будить Розалин, так что я вытащила из сумки картинку с Марией и прислонила ее к стволу дерева, чтобы хорошенько рассмотреть. На картинку вползла маленькая божья коровка и уселась прямо на щеке Святой Матери, превратившись в родинку. Я подумала о том, любила ли Мария бывать на природе, предпочитая деревья и насекомых церковным стенам.

Я легла на спину, пытаясь придумать историю о том, как моя мама могла заполучить картинку с Черной Марией. Ничего не получалось – возможно, из-за моего невежества касательно Марии, которой в нашей церкви никогда не уделялось особого внимания. По словам брата Джералда, ад был не чем иным, как костром для католиков. У нас в Силване не было ни одного католика – только баптисты и методисты, – но нам были даны инструкции на случай, если мы встретим таковых во время своих странствий. Нам следовало предложить им пятиступенчатый план спасения, который они вольны были принять или не принять. В церкви нам выдали по резиновой перчатке, на каждом пальце которой было написано по одному этапу спасения. Надо было начать с мизинца и закончить большим пальцем. Некоторые женщины постоянно носили «перчатку спасения» в своей сумочке на тот случай, если они неожиданно наткнутся на католика.

Единственная история о Марии, которую нам рассказывали, была историей о том, как она понудила своего сына, практически против его воли, изготовить на кухне вино из простой воды. Это меня потрясло, поскольку наша церковь не верила в вино, а также в то, что женщины вообще могут что-либо решать. Единственное, что я могла предположить – это что моя мама была каким-то образом связана с католиками, и, должна сказать, это втайне меня тревожило.

Я засунула картинку в карман, а Розалин все продолжала спать, выдувая воздух так, что было видно, как вибрируют ее губы. Я поняла, что она может проспать до завтра, и стала трясти ее руку, трясти до тех пор, пока Розалин не открыла глаза.

– Боже, как все болит, – сказала она. – Словно меня били палкой.

– Тебя и вправду били, ты помнишь?

– Но не палкой, – сказала она.

Я подождала, пока она поднимется на ноги – долгий, невероятный процесс возвращения к жизни членов ее тела, сопровождаемый оханьем и стонами.

– Что тебе снилось? – спросила я, когда она наконец встала прямо.

Она смотрела на верхушки деревьев, почесывая локти.

– Дай-ка вспомнить. Мне снилось, что преподобный Мартин Лютер Кинг-младший стоит на коленях и красит мне ногти на ногах слюной изо рта и каждый мой ноготь красен, словно бы преподобный насосался красного вина.

Я думала об этом по дороге в Тибурон – Розалин шла с таким видом, словно ее ноги намазаны елеем, словно ее рубиновым пальцам на ногах принадлежит вся округа.

Мы шли мимо серых амбаров, кукурузных полей, жаждавших орошения, и медленно жующих, вполне довольных своей жизнью коров. Вглядевшись в даль, можно было увидеть дома фермеров с длинными верандами и качелями из тракторных колес, подвешенных на веревках к деревьям; неподалеку от них возвышались ветряные мельницы, их гигантские лопасти поскрипывали от ветра. Все было безупречно высушено; даже крыжовник зажарился до состояния изюма.

Асфальт закончился, начался гравий. Я слушала, как он хрустит под ногами. Пот собрался в лужицу там, где сходились ключицы Розалин. Я не знала, чей желудок больше нуждается в пище, мой или ее. Вдобавок я осознала, что сегодня воскресенье и все лавки закрыты. Я опасалась, что скоро мы будем есть одуванчики, дикую репу и личинки червей, чтобы поддерживать в себе жизнь.

Время от времени до нас долетал запах свежего навоза, ненадолго отбивая у меня аппетит, но Розалин сказала:

– Я бы сейчас съела мула.

– Если в городе мы найдем заведение, которое будет открыто, я зайду и возьму нам еды, – сказала я.

– А где мы будем спать? – спросила она.

– Если там не будет мотеля, придется снять комнату.

Она кисло улыбнулась:

– Лили, дитя мое, там не будет ни единого места, в котором согласятся принять цветную женщину. Даже если это будет сама Дева Мария, ее никто не пустит, если она черная.

– Но в чем же тогда смысл Акта о гражданских правах? – сказала я, остановившись посреди дороги. – Не значит ли он, что черные могут позволить себе спать в их мотелях и есть в их ресторанах?

– Именно это он и означает, но тебе придется пинками и тумаками заставлять людей это делать.

Всю следующую милю я шла в страшном беспокойстве. У меня не было плана, даже намека на план. До сих пор я надеялась, что в какой-то момент мы споткнемся об окно, через которое влезем в совершенно новую жизнь. Розалин же, напротив, ожидала, что в любой момент ее схватят. Для нее это было летним отпуском из тюрьмы.

Мне нужен был знак. Мне нужен был голос, говорящий со мной, вроде Голоса, который я слышала накануне в своей комнате: «Лили Мелисса Оуэнс, твоя банка открыта».

«Сделаю девять шагов и посмотрю наверх. Что бы я ни увидела – это мой знак». Когда я посмотрела наверх, то увидела самолет-кукурузник и облако пестицидов, которое он распылял над полем. Трудно было понять, какую часть этой сцены я олицетворяю: растения, которых спасали от жуков, или жуков, которых убивали химикатами. Казалось крайне маловероятным, что я самолет, парящий над землей и несущий гибель одним и спасение другим.

Я чувствовала себя несчастной.

Жара усиливалась, и пот тек у Розалин по лицу.

– Жаль, поблизости нет церкви, чтоб мы могли стащить парочку вееров, – сказала она.

* * *

Издали магазин на окраине городка выглядел так, будто ему сто лет, но когда мы подошли, я увидела, что он еще старше. Табличка на дверях гласила: «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН И РЕСТОРАН ФРОГМОРА СТЮ. С 1854 ГОДА».

Генерал Шерман наверняка проходил здесь со своей армией, но решил пощадить дом благодаря необычному имени его хозяина; вряд ли у него могли найтись другие причины. Передняя стена дома являла собой давно забытую доску объявлений: «Ремонт „студебеккеров“», «Лошадиный корм», «Рыболовный турнир Бадди», «Льдозавод братьев Рейфорд», «Ружья для оленьей охоты за $45» и картинка девушки в шапке в виде банки из-под кока-колы. Там также было объявление о евангельских песнопениях в баптистской церкви горы Сион за 1957 год, если кому интересно об этом знать.

Больше всего мне понравилась коллекция прибитых к стене автомобильных номерных знаков из разных штатов. Если бы у меня было достаточно времени, я осмотрела бы каждый из них.

Во дворе, сбоку от дома, цветной мужчина поднял крышку жаровни, сделанной из железной бочки, и запах свинины, сдобренной перцем и уксусом, образовал под моим языком столько слюны, что она буквально потекла мне на футболку.

Перед домом стояло несколько легковых машин и грузовичков, принадлежащих, возможно, людям, которые решили не идти в церковь и приехали сюда сразу после воскресной школы.

– Зайду и узнаю, нельзя ли купить поесть, – сказала я.

– И табака. Мне нужен табак, – сказала Розалин.

Она плюхнулась на скамейку возле бочки с барбекю, а я вошла внутрь, окунувшись в смешанный запах маринованных яиц, копченой ветчины и опилок. Ресторан был расположен в задней части дома, а в передней был магазин, где

продавалось все от стеблей сахарного тростника до скипидара.

– Могу я вам чем-нибудь помочь, юная леди? – Невысокий человек в галстуке-бабочке стоял по ту сторону деревянного прилавка, практически незаметный за баррикадой из коробок со студнем и банок с огурцами. У него был высокий голос, а сам он выглядел человеком мягким. Я не могла представить себе, чтобы он продавал ружья для охоты на оленей.

– Похоже, я тебя раньше не видел, – сказал он.

– Я не местная. Приехала в гости к бабушке.

– Мне нравится, когда дети проводят время со своими бабушками и дедушками, – сказал он. – У стариков можно многому научиться.

– Да, сэр, – сказала я. – От своей бабушки я научилась большему, чем за весь восьмой класс.

Он засмеялся, словно это было самым смешным из того, что он слышал за последние годы.

– Ты зашла пообедать? У нас есть специальное воскресное блюдо – свинина барбекю.

– Я возьму две порции с собой, – сказала я. – И две кока-колы, пожалуйста.

Ожидая, пока принесут наш обед, я ходила вдоль полок, запасаясь к ужину. Мешочки с соленым арахисом, сливочное печенье, два сэндвича с сыром, кислые шарики и жестянка с табаком «Красная роза». Я сложила все это на прилавке.

Возвратившись с тарелками и бутылками колы, он замотал головой:

– Мне очень жаль, но сегодня воскресенье. Я не могу ничего продавать в магазине – только в ресторане. Твоей бабушке это должно быть известно. Кстати, как ее зовут?

– Роза, – сказала я, прочитав это имя на табачной этикетке.

– Роза Кэмпбелл?

– Да, сэр. Роза Кэмпбелл.

– Мне казалось, у нее только внуки.

– Нет, сэр. У нее еще есть я.

Он коснулся мешочка с кислыми шариками:

– Просто оставь это здесь. Я разложу по местам.

Кассовый аппарат звякнул, и из-под него выдвинулся ящик для денег. Я нашарила деньги в своей сумке и заплатила.

– Не могли бы вы открыть колу? – попросила я. Когда он пошел на кухню, я смахнула банку с табаком в сумку и закрыла ее на молнию.

Розалин били, она сто лет не ела, спала на жесткой земле, и кто знает, может, она вновь окажется в тюрьме или ее вообще убьют? Она заслужила свой табак.

Я представляла себе, как однажды, через многие годы, я пришлю магазину доллар в конверте, и еще представляла, как отныне чувство вины будет наполнять каждое мгновение моей жизни, когда вдруг поняла, что смотрю на картинку с Черной Марией. Я не имею в виду картинку с какой-нибудь там черной Марией. Я имею в виду, что это была совершенно такая же картинка, как картинка моей мамы. Мария глядела на меня с этикеток на дюжине банок меда. «МЕД „ЧЕРНАЯ МАДОННА“» было написано на банках.

Открылась дверь, и в магазин вошла семья, прямиком из церкви, – мама и дочка, одетые в одинаковые голубые костюмы с отложными воротничками. Свет устремился в дверь, дымчатый, неясный, расплывчатый, в желтых брызгах. Девочка чихнула, а ее мама сказала: «Подойди ко мне, я вытру тебе нос».

Я снова посмотрела на банки с медом, на янтарный свет, плавающий в них, и приказала себе дышать ровнее.

Впервые в жизни я кое-что поняла: наш мир наполнен тайной – она прячется за тканью наших бедных, забитых жизней, сияя ярчайшим светом, а мы об этом даже не подозреваем.

Я подумала о пчелах, которые прилетали в мою комнату по ночам, и что они были частью этой тайны. И о Голосе, который я слышала накануне: «Лили Мелисса Оуэнс, твоя банка открыта», и что он звучал так же четко и ясно, как голос женщины в голубом, когда она разговаривает со своей дочкой.

– Вот твоя кока-кола, – сказал человек в галстуке-бабочке.

Я показала на банки с медом:

– Откуда это у вас?

Он принял интонации в моем голосе за испуг.

– Понимаю, о чем вы. Многие не желают это покупать, поскольку там Дева Мария нарисована как цветная женщина, но дело в том, что женщина, которая делает этот мед, – сама цветная.

– Как ее зовут?

– Августа Боутрайт, – сказал он. – Она держит пчел по всему округу.

«Дыши ровно, дыши ровно».

– Вы знаете, где она живет?

– Да, конечно, это самый жуткий дом, который тебе приходилось видеть. Покрашен в ядовитейший цвет. Твоя бабушка его точно знает – проходишь по Главной улице через весь город, пока улица не перейдет в шоссе, ведущее во Флоренцию. Там увидишь.

Я направилась к двери.

– Спасибо.

– Передавай привет бабушке, – сказал он.

Храп Розалин сотрясал скамейку. Я ее растормошила:

– Просыпайся. Вот твой табак, только спрячь его в карман, потому что я за него не платила.

– Ты его украла?

– Пришлось, потому что по воскресеньям они ничего не продают.

– Твоя жизнь катится прямиком в ад, – сказала она.

Я разложила обед на скамейке, словно бы у нас был пикник, но не съела ни кусочка, пока не рассказала Розалин о Черной Марии на банках с медом и пасечнице по имени Августа Боутрайт.

– Тебе не кажется, что моя мама могла ее знать? – спросила я. – Это не может быть простым совпадением.

Она не отвечала, и тогда я повысила голос:

– Розалин? Тебе так не кажется?

– Я не знаю, что мне кажется, – сказала она. – Но я не хочу, чтобы ты сильно на это надеялась, вот и все. – Она дотронулась до моей щеки. – О, Лили, что же с нами будет?

* * *

Тибурон – это тот же Силван минус персики. Перед куполообразным зданием суда кто-то вставил в горловину пушки флаг конфедератов. Южная Каролина была, во-первых, югом и только потом уже – Америкой. Вам бы не удалось вытравить из нас гордость за форт Самтер.

Бредя по Главной улице, мы постоянно находились в тени двухэтажных зданий, стоящих вдоль дороги. Проходя мимо аптекарского магазина, я через витринное стекло увидела хромированный прилавок, за которым продавались банановые коктейли и вишневая кола, и подумала, что скоро все это не будет уже только для белых.

Мы прошли мимо страхового агентства Уорта, офиса Электрической компании округа Тибурон и магазина, где на витрине были выставлены хула-хупы, очки для плавания и коробки бенгальских огней, а поперек стекла аэрозолем было написано: «ПРАЗДНИК ЛЕТА». На некоторых заведениях, таких, например, как «Фермерский банк», висели плакаты: «ГОЛДУОТЕРА[3 - Барри М. Голдуотер (1909–1998) – кандидат в президенты от южных штатов, выступающий против цветных меньшинств.] В ПРЕЗИДЕНТЫ», а иногда ниже была наклейка, гласящая: «ЗА ВОЙНУ ВО ВЬЕТНАМЕ».

Возле главпочтамта я оставила Розалин на тротуаре, а сама зашла внутрь, туда, где были абонентские ящики и лежали воскресные газеты. Нигде не было объявлений о том, что нас с Розалин разыскивают. Передовица в газете «Колумбия» рассказывала о сестре Кастро, шпионящей для ЦРУ, и ни словом не упоминала белую девочку, которая помогла негритянской женщине сбежать из тюрьмы в Силване.

Я бросила в щель десятицентовик и взяла газету, думая, что про нас может быть написано где-нибудь внутри. Мы с Розалин зашли в переулок и, присев на корточки, разложили газету на земле. Мы просмотрели каждую страницу: там писали про Малкольма Икс, про Сайгон, про «Битлз», про теннис в Уимблдоне и про мотель в Джексоне, штат Миссисипи, который закрылся, но не пожелал принимать цветных постояльцев. И ни слова о нас с Розалин.

Иногда хочется упасть на колени и возблагодарить Бога за все те ужасные события, о которых пишут в новостях.

Глава четвертая

Медоносные пчелы – это общественные насекомые, живущие колониями. Каждая колония – это семья, состоящая из яйцекладущей самки, или матки, и множества ее бесплодных дочерей, которых называют рабочими. Рабочие совместно добывают пищу, строят гнездо и выводят потомство. Самцы выводятся только в то время года, когда их наличие необходимо.

Пчелы мира

Женщина двигалась вдоль ряда белых ящиков, выставленных по кромке леса, окружающего розовый дом. Дом был таким розовым, что выжигал отпечаток на роговице глаза, – когда я отвернулась, перед глазами все еще стояло пятно. Женщина была высокой, одетой во все белое, а на голове у нее был тропический шлем с сетками, ниспадавшими на лицо, на плечи и на спину. Она выглядела как африканская невеста.

Приподняв крышку ящика, она заглядывала внутрь, раскачивая дымящееся жестяное ведро взад и вперед. Тучи пчел поднимались из ящика и роились вокруг ее головы. Дважды она совсем исчезала в этой лавине, но всякий раз постепенно проявлялась, словно сон, поднимающийся со дна ночи.

Мы стояли через дорогу, я и Розалин, временно потеряв дар речи. Я – от благоговения перед разыгрывающейся на моих глазах мистерией, а Розалин – оттого, что ее губы были запечатаны табаком «Красная роза».

– Это та женщина, которая делает мед «Черная Мадонна», – сказала я.

Я не могла отвести от нее глаз. Это была Повелительница Пчел, врата в жизнь моей мамы. «Августа».

Розалин вяло сплюнула струйку черного сока и вытерла пот с верхней губы.

– Надеюсь, она делает мед лучше, чем выбирает краску.

– Мне нравится этот цвет, – заявила я.

Мы подождали, пока она не зашла в дом, а затем перешли дорогу и открыли калитку в ограде из частокола, который едва не падал под весом каролинского

жасмина. Добавьте сюда весь чеснок, укроп и лимонник, растущий вокруг крыльца, и запах собьет вас с ног.

Мы стояли на крыльце, и дом отсвечивал на нас розовым. Вокруг летали июльские жучки, а из дома лилась тихая музыка – как скрипка, только неизмеримо печальнее.

Мое сердце колотилось. Я спросила Розалин, слышно ли ей, как оно бьется.

– Я не слышу ничего, кроме Господа Бога, который спрашивает меня, что я тут делаю. – Она сплюнула то, что, как я надеялась, было остатками табака у нее во рту.

Я постучала в дверь, а Розалин тем временем бормотала себе под нос: «Дай мне силы… Малютка Иисус… Наши заблудшие души…»

Музыка прекратилась. Краем глаза я уловила некое движение за окном – в жалюзи появилась щелочка и тут же исчезла.

Когда дверь открылась, за ней оказалась не та женщина в белом, а другая, в красном. Она была так коротко подстрижена, что ее прическа напоминала маленькую серую плавательную шапочку с тисненым узором, туго натянутую на голову. Она смотрела на нас строго и подозрительно. Я заметила, что под мышкой у нее зажат смычок, словно это был кнут. Мне пришло в голову, что она может использовать свое оружие против нас.

– Да?

– Вы Августа Боутрайт?

– Нет, я Июна Боутрайт, – сказала она, ощупывая глазами швы на лбу Розалин. – Августа Боутрайт – моя сестра. Вы пришли к ней?

Я кивнула, и тут появилась еще одна женщина, с босыми ногами. На ней было платье без рукавов, в зелено-белую полоску, а из головы во все стороны торчали коротенькие косички.

– Я Мая Боутрайт, – сказала она. – Я тоже сестра Августы. – Она улыбнулась нам странной улыбкой, такой, от которой становится ясно, что человек перед тобой не вполне нормален.

Хотелось, чтобы Июна со своим кнутом под мышкой тоже нам улыбнулась, но вместо этого на ее лице читалось раздражение.

– Августа вас ждет? – спросила она, обращаясь к Розалин.

Розалин, естественно, тут же начала выкладывать все начистоту:

– Нет, понимаете, у Лили есть эта картинка…

Я немедленно вмешалась:

– Я видела в магазине банку с медом, и продавец сказал…

– Так вы пришли за медом. Так бы сразу и говорили. Пройдите в гостиную. Я позову Августу.

Я одарила Розалин красноречивым взглядом: «Ты с ума сошла? Не вздумай рассказывать им о картинке». Что нам было необходимо, так это правдивая легенда.

У некоторых людей есть шестое чувство. Я считаю, что принадлежу к таким людям, поскольку, как только ступила в дом, я почувствовала дрожь по всему телу, ток, который поднялся по спине, спустился по рукам и заставил пульсировать мои пальцы. Я словно бы испускала какие-то лучи. Тело многое узнает еще задолго до того, как мы понимаем это умом. Я спрашивала себя: что же такое знает мое тело, чего не знаю я?

Повсюду был запах мебельного воска. Кто-то прошелся воском по всей гостиной – большой комнате с отделанными бахромой коврами, старым пианино, накрытым кружевной салфеткой, и плетеными креслами-качалками, застеленными шерстяными пледами. Перед каждым креслом стояла бархатная скамеечка. Бархатная! Я подошла к одной из них и погладила.

Затем я подошла к столу с откидной доской и понюхала восковую свечку, которая пахла точно так же, как и мебельный воск. Свечка стояла в подсвечнике в форме звезды, а рядом лежала наполовину собранная картинка-пазл, но пока не было понятно, что должно получиться. На столике возле окна возвышался гладиолус, поставленный в молочную бутылку с широким горлышком. Занавески были из тонкой кисеи, но не обыкновенного белого цвета, а серебристо-серого, так что свет, проходя сквозь них, приобретал дымчатый оттенок.

Представьте себе стены, на которых нет ничего, кроме зеркал. Я насчитала пять, каждое в тяжелой медной раме.

Затем я повернулась и посмотрела в сторону двери, через которую сюда вошла. Там, в углу, стояла вырезанная из дерева фигура женщины около трех футов высотой. Это была одна из тех фигур, которые в былые времена ставились на носу корабля. Она выглядела такой древней, что могла бы плавать с Колумбом на «Санта-Марии», если я что-нибудь в этом смыслю.

Она была совершенно черной, покоробившейся, как дерево, которое сплавляли, а потом высушили на солнце. Ее лицо – подробная карта штормов и путешествий, в которых она побывала. Правая рука поднята, словно указывая путь, если не считать того, что пальцы были сжаты в кулак. Это придавало фигуре внушительность, казалось, она в любой момент могла указать вам ваше место.

Хотя она и не была одета, как Мария, а также не была похожа на картинку с рекламой меда, я знала, что это именно она. На груди у нее было сердце, изображенное выцветшей красной краской, и желтый месяц, вытершийся и кривой, нарисованный там, где ее тело прежде переходило в корпус корабля. Свечка внутри высокого красного стакана бросала на скульптуру блики и сполохи. Она одновременно была и мощью и смирением. Я не знала, что думать, но то, что я чувствовала, было таким влекущим и столь огромным, словно луна вошла в мою грудь и наполнила ее до краев.

Единственное, с чем я могла это сравнить, было ощущение, которое возникло у меня однажды, когда я возвращалась из персиковой палатки и увидела, как солнце перед закатом освещает землю, поджигая верхушки сада, пока темнота сгущается под деревьями. Тишина повисла над моей головой, а красота разлилась в воздухе. Деревья были прозрачными, и я чувствовала, что могу увидеть внутри них какую-то изначальную чистоту. Моя грудь болела тогда так

же, как и сейчас.

На губах скульптуры была красивая, повелевающая полуулыбка, вид которой заставил меня поднести обе руки к своему горлу. В этой улыбке все говорило: «Лили Оуэнс, я знаю тебя как облупленную».

Было чувство, что она знает, каким лживым и ненавидящим человеком я была на самом деле. Как я ненавидела Т. Рэя, девочек в школе, но особенно себя, за то, что убила свою мать.

Сперва захотелось плакать, но уже в следующую секунду хотелось смеяться, потому что скульптура дала почувствовать, что меня одобряют, словно бы во мне была и добродетель, и красота. Словно бы у меня действительно был весь тот потенциал, о котором говорила миссис Генри.

Я стояла там, любя себя и себя ненавидя. Вот что сделала со мной Черная Мария – заставила меня понять свое торжество и свой позор одновременно.

Я подошла еще ближе и ощутила едва уловимый запах меда, исходящий от дерева. Мая подошла и встала возле меня, и теперь я улавливала только запах лака от ее волос, лука от ее рук и ванили от ее дыхания. У нее были розовые ладони, такие же, как нижняя часть ступней. Локти были темнее, чем все остальное, и их вид почему-то наполнил меня нежностью.

Вошла Августа Боутрайт, в очках без оправы и со светло-зеленым шарфом из шифона, привязанным к поясу.

– Кто к нам пришел? – спросила она, и звук ее голоса тут же вернул меня к обычному восприятию.

Из-за солнца и пота она вся была словно намазанная миндальным маслом. Ее лицо было прорезано тысячами морщинок, а волосы словно присыпаны мукой, но в остальном она выглядела на десятки лет моложе.

– Я Лили, а это Розалин, – сказала я, запнувшись при виде Июны, вошедшей в дверь вслед за Августой. Я открыла рот, не имея ни малейшего понятия, что скажу дальше. То, что я произнесла, не могло бы удивить меня больше.

– Мы убежали из дома, и нам некуда пойти, – сказала я.

В любой другой день я могла бы одной левой выиграть любое соревнование по вранью, и вот… вот что я тут выдаю: душераздирающую правду. Я наблюдала за их лицами, особенно за лицом Августы. Она сняла очки и потерла вмятинки по бокам от переносицы. Было так тихо, что я слышала, как в соседней комнате тикают часы.

Августа вновь надела очки, подошла к Розалин и осмотрела швы у нее на лбу, ранку под глазом и синяки на лице и на руках.

– Похоже, что вас били.

– Она упала со ступенек крыльца, когда мы уходили, – сказала я, уступая своей естественной привычке к вранью.

Августа и Июна переглянулись, а Розалин прищурила глаза, давая мне понять, что я опять проявляю пренебрежение: говорю за нее, как будто ее самой здесь вовсе нет.

– Ну ладно. Вы можете оставаться здесь, пока не придумаете как поступить. Мы не можем позволить вам жить на улице, – сказала Августа.

Июна сделала такой вдох, что чуть было не высосала весь воздух из комнаты:

– Но, Августа…

– Они останутся здесь, – повторила Августа таким тоном, что сразу стало ясно, кто здесь старшая сестра, а кто младшая. – Все будет в порядке. У нас в медовом домике есть кровати.

Июна метнулась прочь из комнаты, сверкнув красным платьем.

– Спасибо, – сказала я Августе.

– Пожалуйста. Присаживайтесь. Я принесу оранжада.

Мы уселись в плетеные кресла-качалки, а Мая осталась стоять, как часовой, улыбаясь своей безумной улыбкой. Я заметила, что у нее очень мускулистые руки.

– Как это у всех вас такие календарные имена? – спросила Розалин.

– Наша мама любила весну и лето, – сказала Мая. – У нас еще была Апрелия, но… она умерла, когда была маленькой. – Ее улыбка исчезла, и она внезапно запела: «О, Сюзанна!» Она пела так, словно бы от этого зависела ее жизнь.

Мы с Розалин смотрели, как пение переходит в горькие рыдания. Она плакала так, будто Апрелия умерла только что.

Наконец вернулась Августа, неся на подносе четыре стакана, на кромки которых были очень мило насажены кружочки апельсина.

– Мая, родная, сходи к своей стене и там успокойся, – сказала она, слегка подталкивая сестру к двери.

Августа вела себя так, словно все происходящее было в порядке вещей и могло иметь место в любом доме Южной Каролины.

– Пожалуйста, оранжад.

Я принялась отхлебывать маленькими глоточками. Розалин между тем выпила все с такой скоростью, что ее отрыжке позавидовали бы пацаны из моей школы. Это было чудовищно.

Августа сделала вид, что ничего не слышала, а я уперлась взглядом в бархатную скамеечку, желая одного – чтобы Розалин вела себя покультурнее.

– Значит, вы – Лили и Розалин, – сказала Августа. – У вас есть фамилии?

– Розалин… Смит и Лили… Уильямс, – соврала я, и меня понесло. – Понимаете, моя мама умерла, когда я была маленькой, а в прошлом месяце мой папа тоже умер – он попал под трактор на нашей ферме в округе Спартанбург. У меня больше нет родственников в нашем городе, так что меня хотели отдать в приют.

Августа покачала головой. Розалин тоже покачала, но совсем по другой причине.

– Розалин была нашей экономкой, – продолжала я. – У нее нет никого, кроме меня, так что мы решили поехать в Виргинию, чтобы найти там мою тетю. Вот только у нас совсем нет денег, так что, если у вас есть для нас какая-нибудь работа, может быть, мы бы смогли немного заработать, прежде чем ехать дальше. Мы, в общем-то, не так уж торопимся в Виргинию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/su-monk-kidd/taynaya-zhizn-pchel1/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

«Марта Уайтс» – фирменное название круп. (Здесь и далее прим. перев.)

2

В английском языке «королева» и «пчелиная матка» обозначаются одним и тем же словом «queen».

3

Барри М. Голдуотер (1909–1998) – кандидат в президенты от южных штатов, выступающий против цветных меньшинств.

Купить: https://tellnovel.com/ru/syu-kidd/taynaya-zhizn-pchel-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить